

**Дмитрий Дашко
Сергей Лобанов
Зона захвата**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946855
Зона захвата: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-4226-0216-2*

Аннотация

Что если СССР не развалился, а продолжает существовать? Только в параллельном мире. Правда, мир этот болен. Страна охвачена гражданской войной. Центр и Блок Регионов делят между собой территории и власть, а там, куда не добрались их руки, возникают «ничейные» земли, где правят бал бандиты всех мастей.

Жизнь у Андрея Липатова вполне удалась: хорошая работа, отличная машина, любимое занятие – стритрейсинг. И не было ему никакого дела до тех, кто мечтает вернуть СССР... Но вдруг р-раз – и все куда-то пропадает. Вместо прежнего мира – мир чужой, непонятный, где за слова и поступки приходится отвечать своей жизнью. Вместо гражданского костюма и нетбука – городские развалины, а потом лагерь для военнопленных, идущих на корм генетическим монстрам... Не хочется на корм – тогда думай и действуй.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	7
3	14
4	15
5	16
6	18
7	19
8	21
9	25
10	29
11	36
12	37
13	38
14	41
15	42
16	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Дашко, Сергей Лобанов

Зона захвата

Авторы благодарят Владимира Дашко, придумавшего название и идею для книги, сайт «В Вихре Времен» <http://www.mahrov.4bb.ru>, литературный портал «Фантасты. Ру» <http://www.fantasts.ru>.

Огромное спасибо всем, кто остановил свой выбор на нашей «Зоне захвата»! Надеемся, что книга вас не разочарует.

Пролог

Сеанс связи был установлен минут десять назад, однако настоящий разговор начался только сейчас. До этого шел обычный доклад – немногословный, сжатый.

Невидимый собеседник сразу поставил условие: максимальный объем информации в минимальное количество времени. Никаких лирических отступлений, коротко и по существу.

Предполагалось, что перехватить их разговор невозможно. Здесь подобная технология еще не создана, и не факт, что появится в ближайшие лет сто.

Но береженого, как известно, Бог бережет. Потому перед немолодым мужчиной с наметившимся пивным брюшком и вполне сформировавшейся лысиной лежал продолговатый металлический ящичек шифратора, очень похожий на футляр для очков. Собственно, в этом качестве он обычно и использовался, за исключением тех моментов, когда возникала необходимость выйти на связь.

Если кто-то чудом перехватит кодированный сигнал, на расшифровку уйдут не года – десятилетия.

В чужих руках прибор будет только очечником. ТАМ предвидели и такой расклад.

Закончив отчет, мужчина на мгновение замолчал. На другом конце сделали правильный вывод и моментально среагировали.

Голос невидимого собеседника был сухим и отстраненным. Искусственным на все сто процентов, а потому лишенным эмоций и чувств. Немолодой поймал себя на мысли, что его общение похоже на диалог с роботом.

– Что-то еще? – спросил «мертвый» голос.

– Да, – лаконично ответил мужчина.

– Излагайте, – велел «робот».

Мужчина набрался духу. Многое зависело от ответа, который он получит.

– Прошу разрешение на проведение полевых испытаний.

– Лабораторных тестов недостаточно? – абсолютно бесстрастно осведомился голос.

– В лаборатории и на полигоне не смоделировать все возможные ситуации.

– Риск?

– В допустимых пределах. Пора переходить к практическим действиям, иначе мы не накопим опыт.

– Вас понял. Даю разрешение на проведение эксперимента в полевых условиях. О результатах прошу сообщить через стандартно оговоренный период. Конец связи.

Собеседник отключился.

Немолодой мужчина выключил шифратор и откинулся на высокую кожаную спинку кресла. Если все пройдет как надо, то... Он закрыл глаза и расслабился в первый раз за неделю.

1

Давно зарядивший нудный дождь не стихал которые уж сутки, то ослабевая, то припуская вновь. Налетающие порывы ветра поднимали на мутных лужах быстро затухающую рябь с бьющими в нее бесконечными дождевыми каплями.

Есть такая примета: если на лужах появляются пузыри, значит, дождь будет недолгим.

Пузырей на поверхности луж не наблюдалось.

А еще говорят: в августе до обеда солнце, а после обеда дождь.

Наступивший август народных примет не оправдывал. Казалось, низкие, тяжелые тучи навсегда зацепились за разлапистые столетние темно-зеленые ели, что своими макушками продырявили наполненное влагой небо.

Сырость была повсюду. Она наполняла влажный лесной воздух свежестью, о которой грезят жители загазованных мегаполисов. От сырости полегла трава, набухла прелея земля, провисли на дугах брезентовые тенты двух стареньких, выдавших виды «Уралов», стоявших у одного из длинных приземистых ангаров, покрытых отсыревшей маскировочной сетью, прилипшей к почерневшим доскам двускатных крыш.

Не в пример грузовикам, БТР-80 даже в такую непогоду выглядел грозно. В мрачном спокойствии он переживал затянувшееся ненастье. От хищного, покрытого разводами дождевых капель корпуса веяло уверенностью и силой.

Сыростью пропитались три небольшие одноэтажные бревенчатые казармы, такие же старые и неказистые, как и ангары. Сыростью дышал сам воздух.

Немногочисленные ветхие строения, в которых располагался гарнизон, уныло горбились посреди лесной глуши. Назначение гарнизона – охрана складов вооружения Министерства обороны. Оружием под завязку забиты все ангары, правильными рядами стоящие в лесной глуши.

Высокие, в пару обхватов темные ели сплошной стеной обступали обнесенную местами покосившимся деревянным забором территорию и даже росли на ней, почему создавалось впечатление полной заброшенности и оторванности от цивилизации.

2

Смеркалось.

Старший лейтенант Морозов в должности начкара¹ пребывал уже третьи сутки подряд, что вообще-то являлось грубейшим нарушением Устава караульной службы. Но реальность была такова, что заступать в караул оказалось просто некому.

С солдатами та же проблема. Бойцы буквально валились с ног от усталости: людей в части не хватало, обычный распорядок службы «через день – на ремень» теперь вспоминался едва ли не как курортный отдых.

Месяц назад ушла последняя партия весенних дембелей. Это были самые «залетчики», то есть те, кто постоянно нарушал службу, безвылазно сидел на «губе» и вообще числился на плохом счету. Поэтому их, назло им самим, рвущимся поскорее на «гражданку», оставили на последнюю партию. Хотя, положив руку на сердце, от таких следовало избавляться прежде всего. Но так уж сложилось, что первыми всегда уходили лучшие. Тут были и те, кто честно «тащил службу», и те, кто считался у командования любимчиками – стучали, короче говоря.

Прибывшие на замену тридцать дагестанцев оказались настолько дикими, что создавалось ощущение, будто новобранцы только что спустились с гор за солью, а их тут же «забрили». Поначалу по-русски они не говорили. Многие тогда подумали, что не умеют, но, как потом выяснилось, – не хотели.

Вели даги себя вызывающе, если не сказать – бóрзо. Держались скопом, приказы выполняли с видимой неохотой, презрительно бормоча что-то себе под нос на своем наречии.

Ребята дюжие, многие спортсмены, на «гражданке» занимались борьбой. Поодиночке более-менее вменяемые, стадом – хуже Мамаева войска. Наглые, самоуверенные, привыкшие к тому, что «рюсские» за своих не стоят.

На родине считавшие, что жители соседнего аула чуть ли не иностранцы, попав в армию, они сбились в плотную стаю.

Парочку дагов забрал к себе на склады прапорщик – начснаб². Трое ушли в постоянный наряд на свиноферму, где жилось сыто и вольготно (самые что ни на есть правоверные мусульмане даже дрались за эти места). Что делать с остальными, которых не то что в караулы ставить, вообще к оружию подпускать нельзя, долго не понимали.

Оборзевшие дети гор не подозревали, что половина солдат и почти все офицеры в части принимали участие в боевых действиях, ходили в атаку, проливали свою и чужую кровь. Добряк старший сержант Винтерголлер по прозвищу Винт был переведен сюда после ранения из разведбата и при желании мог свернуть любому новобранцу голову, будто куренку.

Его заместитель сержант Петрученя (Петруча) если уж дрался, то наверняка, чтобы с одного удара отправить на тот свет. Так его подготовили.

Вот их и поставили командовать «дикой дивизией», которая сразу же в недвусмысленных выражениях начала посылать обоих сержантов на или в глубоко интимные места. Винт с Петручей заниматься самодеятельностью не хотели, ибо трупов на их совести и без того хватало.

Тогда командир части подполковник Усольцев дал негласное «добро»: дагов – «под пресс», но без фанатизма, умеренно.

Это означало, что у «дедов» и «черпаков», то есть у солдат, отслуживших по полтора и по одному году соответственно, развязаны руки.

¹ Начальник караула.

² Начальник снабжения части.

Что тут началось!

Старослужащие словно с цепи сорвались, возмущенные борзотой новобранцев, или, как их еще называли, «духов».

Желаемый результат был получен весьма быстро. Старое солдатское правило «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим» сработало безотказно. На черные от синяков грудные клетки новобранцев офицеры и прапорщики демонстративно не обращали внимания. В ответ на жалобы типа «Товарыщ лейтенант, меня опять в груд били» лишь разводили руками. Дескать, а что я могу сделать, ты же сам по-хорошему понимать не хочешь. Выполняй, что от тебя требуется, никто бить не будет.

Но ставить в караулы кавказцев было нельзя. Не так давно у соседей случился пренеприятнейший инцидент, когда такие же «архаровцы» попросту сбежали к себе в горы, прихватив автоматы.

Из штаба дивизии пришла радиограмма, прочитав которую Усольцев приказал Винту с Петручей драть подчиненных как сидоровых коз, а чтобы было, чем их занять, – пусть ежедневно копают траншеи «отсюда и до ужина». И никаких караулов.

Сержанты удрученно откозыряли. По всему выходило, что им даже повезло по сравнению с сослуживцами.

Морозов недавно провел смену караулов, отправив сменившихся в караулку хоть немного поспать.

На вопрос: «Товарищ старший лейтенант, а вы как?» – ответил, что немного побудет на улице.

Глаза от усталости сами слипались, не помогал даже кофезаменитель с названием «Бодрый». Того и гляди, уснешь вместе с солдатами.

Старлей не спеша подошел к автомобилям и бронетранспортеру, уже на расстоянии уловив запах соляры, диссонансом вплетающийся во влажную лесную свежесть.

Маслянистая радужная пленка покрывала лужи, растекшиеся по небольшому асфальтовому пятачку, чужеродной проплешиной устроившемуся среди вековых деревьев. Свет от зажегшихся фонарей отражался в лужах, играя всеми цветами спектра.

Согласно Уставу гарнизонной и караульной службы техника тоже должна охраняться. Также Устав требует постоянного снижения численности задействованного в караулах личного состава путем внедрения технических средств охраны.

Морозов вздохнул.

Говорят, все уставы кровью написаны. Выражение образное, однако имеет под собой немалое основание.

Еще говорят, что бумага все стерпит. Не менее образное выражение, которое тоже не на пустом месте появилось. Написать-то можно все, что угодно.

Кстати, численность личного состава действительно снижена, да только замены ему техническими средствами охраны в этом захолустье нет и не предвидится.

Для пытливого ума молодого офицера, которому служба еще не встала поперек горла, это был неразрешимый парадокс. Склады под завязку набиты оружием, а охрана настолько слаба, что только чудо до сих пор уберегает эту тмутаракань от чьего-либо нападения.

Но чудо не может длиться вечно.

Не обходя лужи (все равно хромовые сапоги отсырели напрочь), старлей приблизился к бэтээру, постоял в задумчивости, наблюдая за игрой световой гаммы в маслянистых лужах, слегка пнул колесо, проверяя, упадут ли капельки, повисшие на броне.

Не упали.

Для того чтобы их сбить, нужен удар посильнее.

Развернувшись, Морозов направился в караулку. Пятно света на мокром окне притягивало, создавая иллюзию защищенности и даже уюта.

Старший лейтенант отдавал себе отчет, что этот уют чреват опасностью провалиться в объятия Морфея. Но надо идти: скоро должны поступить первые доклады по телефону от вновь заступивших на посты часовых.

Старлей помечтал о скором возвращении из отпуска командира второго взвода. Тогда Морозову и командиру третьего взвода лейтенанту Мироманову будет полегче. Появится хоть какая-то возможность отсыпаться.

Мироманов, как назло, подвернул ногу, в санчасти кайфует, а ему, Морозову, придется отдуваться за всех. И чего командир части своим приказом не обяжет прапорщиков в караулы заступать?

Впрочем, им тоже служба медом не кажется, без дела не сидят. У всех обязанностей полон рот, народу в части не хватает. Никто сюда не рвется. Оно и понятно: кому хочется куковать в такой глуши? Попадают сюда только те, у кого «мохнатой лапы» нет, за кого некому словечко замолвить. Если уж тут оказался, то все, считай, так и прослужишь, а вернее, пропадешь здесь.

С другой стороны, на войне было значительно хуже, ну так на то и война. На войне все иначе.

С невеселыми мыслями офицер подошел к караулке, энергично потряс накиннутый поверх кителя дождевик и только потом потянул за ручку деревянную дверь, разбухшую от сырости, скрипящую в давно не смазанных петлях.

Небольшое, освещенное лампочкой-стоватткой помещение караулки встретило тяжелым духом сырых портянок, развешенных на табуретах возле двухъярусных кроватей, на которых мертвецким сном отсыпались уставшие солдаты. Пахло сапожным кремом, уже не спасавшим отсыревшие кирзачи солдат. Единственным относительно приятным запахом в караулке был запах кофезаменителя, которым пытались спастись всем миром, безуспешно перебарывая давно накопившуюся усталость и сонливость.

Морозов снял дождевик, повесил на гвоздь рядом с плащ-палатками солдат. Мельком глянул на ячейки с автоматами, на парней из бодрствующей смены, откровенно клюющих носами. Сидя на табуретах, они опустили головы к самой груди, иногда тревожно вскидываясь и снова тяжело засыпая. Старший лейтенант недовольно цыкнул уголком рта, но солдат будить не стал: пусть хоть так покомарят. Разбудит, когда придет время.

Не спал лишь сержант Нефедов. Он, в сдвинутой на белобрысый затылок пилотке, в расстегнутой до пуза куртке с виднеющейся из-под нее не положенной по уставу тельняшкой, в сланцах на босу ногу, сидел на табурете у стола.

Занят сержант был очень важной работой – методично натирал навощенной пастагаём³ тряпочкой загнутую опять же не по-уставному полукруглую бляху солдатского ремня. Лучики света искрились на отполированной почти до зеркального блеска бляхе.

Офицер увидел скошенные на него красные от недосыпа глаза.

– А ты чего не спишь? – хмыкнул Морозов.

– Не положено, товарищ старший лейтенант, – вяло произнес сержант. – За автоматами, вон, смотрю, – добавил он, мотнув белобрысой головой в сторону деревянных ячеек вдоль бревенчатой стены, со стоящими в них «акаэмами».

– Ничего, на «гражданке» отоспишься, – ободряюще сказал старлей.

– Только с бабами, – вяло ответил Нефедов. – Один наспался. Хватит.

– Кто о чем, а солдат о бабах, – усмехнулся старлей.

– Анекдот знаете?

³ Пастагай – просторечное название пасты ГОИ (пасты для полировки разных металлических вещей, например монет).

– О кирпиче и о чем солдат думает, глядя на него? – уточнил Морозов.

Сержант кивнул.

– Этот знаю, – подтвердил старший лейтенант.

– Можно подумать, вы, товарищ старший лейтенант, о другом думаете, – дерзко произнес сержант. – Между нами разницы всего ничего. А в этом захолустье баб, наверное, отродясь никто не видел. Я вот восемнадцать месяцев здесь оттарабанил и ни одной бабы, пусть самой страшной, и той не встречал. Даже к семейным офицерам и прапорам жены сюда не ездят. Все при первой же возможности в поселок мотаются за двадцать верст. А остальным че делать? Понятно че – гусю шею точить.

Дерзость объяснялась как раз сроком службы бойца. Понятно – «дедушка». Вон, и тельняшку носит вопреки уставу. Никто из офицеров и прапорщиков на это внимания не обращает. Позволяют бойцам некоторые вольности: этакая глухомань разъедает любую дисциплину.

– Ладно, хватит, – Морозов не дал сержанту развить наболевшую тему. – Давай-ка лучше кофезаменителем взбодримся.

– Не, не буду, – отказался сержант. – Сколько можно, у меня от него уже изжога.

– А я выпью, – решил старлей.

– Вы бы лучше поспали немного, – сказал Нефедов. – А то меньше солдат спите, глаза уже, как у вареного рака. А я подежурю. Чай, не первый день замужем. Знаю, что делать.

– Посплю позже.

Морозов чувствовал, что его неудержимо клонит в сон. Подошел к столу, присел на табурет, воткнул вилку шнура электрического чайника в болтающуюся на проводах розетку, подвинул эмалированную кружку с черными пятнами на месте сколов эмали, щедро сыпанул из пачки кофезаменителя. Подождал, когда вода в зашипевшем чайнике закипит, выключил его, налил в кружку кипятка и кинул следом два кусочка сахара.

В который уже раз дал себе мысленный приказ: не спать! Постоянно дуя на кипяток, помешивая ложкой коричневую мутноватую жижу, делал аккуратные глоточки, ожидая, когда жижа немного остынет, чтобы можно было пить, не обжигаясь.

Через несколько минут пошли звонки с постов, с докладами. Первый в порядке, второй... С седьмого поста доклада все не было.

Старший лейтенант, фыркая,пил чуть остывшую бурду, гася раздражение. Солдаты и раньше засыпали в караулах. В былые времена провинившихся наказывали, сейчас стали относиться к этому мягче. Но черт возьми, ведь боец охраняет склад с оружием! Оно, конечно, понятно, если кто захочет напасть, то долго не удержаться, хоть спи на посту, хоть не спи.

Личного состава для полноценной обороны явно недостаточно, территория большая, забор гнилой, как и ангары, как вообще все. Слово «разруха» так и просится на язык.

В то, что боец может уйти с поста, старлей не верил. Куда ему идти? Во все стороны на много километров сплошной лес да болота. Не в поселок же. Там каждого в лицо знают. Да и к кому туда ходить?

Потому и расслабились многие. Привыкли, что склады у черта на куличках, никто сюда не полезет. Зачем их вообще в такой глуши строили? Для кого? На тот случай, что если все кругом разбомбят, то хотя бы подобные склады останутся?

Морозов отогнал бесполезные мысли. Столько уже думано-передумано, говорено-переговорено, что попусту время терять?

Седьмой пост по-прежнему молчал. Ёрш твою медь! Мысль о том, что боец не отзывается, все сильнее нервировала. Нехорошее предчувствие не давало покоя.

Не первый случай, почитай, в каждом карауле такое приключается. Ну, прибежит разъяренный разводящий, постучит по каске заснувшего штык-ножом, пробьет втихую «фанеру»

грудной клетки по возвращении. Иногда в ход идут злые шутки – автомат заснувшего прячут. Дескать, спи... украли, пока дрых.

Какими последствиями грозит потеря оружия на боевом посту, известно каждому отслужившему.

Но откуда это... уже не предчувствие, осознание?

Да еще и Нефедов, бесконечно вошкая тряпочкой по бляхе, монотонно произнес, добавив тревоги:

– С седьмого поста опять доклада нет. Загондошу урода.

Старлей торопливо допил недоразумение из жженных злаковых, решительно поднялся, скомандовал:

– Караул, в ружье!

С сержанта сонливость как рукой сняло. Вскочив из-за стола, он продублировал приказ:

– Караул, в ружье!

Вырванные из тяжелого забытья солдаты суматошно зашевелились, вскочили с табуретов. Бойцы из отдыхающей смены, спавшие в форме, стали подниматься с кроватей, наматывать непросохшие портянки, натягивать столь же сырые сапоги, надевать ремни, заправляя форму.

Офицер продолжал командным тоном:

– С седьмого поста не поступил своевременный доклад. Надеть плащ-палатки, разобрать личное оружие, привести в боевую готовность, построиться у караульного помещения.

Зашелкали предохранители, лязгнули взводимые затворы, затем – опять предохранители, во избежание случайного выстрела.

Кто-то проворчал:

– Дождевиков на всех нет, на одну же смену только да тем, кто на постах. Как остальным идти? И так все мокрые...

– Отставить разговоры! – прервал недовольного бойца Морозов. – На выход бегом марш! Нефедов!

– Я!

– Остаешься в караульном помещении. Задача: контроль средств связи.

– Есть!

Привычные выполнять команды, солдаты заторопились на улицу.

Быстро нырнув в свой дождевик, старлей вышел следом.

– Становись! Равняйся! Смирно! Правое плечо вперед, на седьмой пост бегом марш!

Став во главе колонны, офицер задал темп, быстро ускоряя его, чувствуя, как поганое ощущение все сильнее завладевает им. Буханье солдатских сапог, плеск разбрызгиваемых луж и снова, как назло, усилившийся дождь еще больше нагнетали атмосферу тревоги.

Морозов невольно отметил, что даже в такой ситуации солдаты бегут в ногу. Вот что значит постоянные занятия строевой подготовкой! Ну, а чем еще занять бойцов в глухомани, когда между караулами есть свободное время? Впрочем, в последний месяц, после ухода дембелей, было не до строевой подготовки – народу не хватает.

Но как бегут, а? Молодцы!

Этими рассуждениями офицер старался заглушить возрастающую тревогу. И молился: только бы увидеть, что часовой просто спит на посту!

Солдаты, конечно, недовольны останутся, особенно отдохавшая смена. После караула заснувшему не поздоровится. Но ничего, урок лишним не будет. В следующий раз не уснет.

Метров за сто до поста он дал команду остановиться. Дальше пошел один. На ходу расстегнул кобуру, вытащил пистолет, снял с предохранителя, клацнул затвором, вновь поста-

вил на предохранитель, сунул обратно в кобуру, не застегивая ее. Когда до поста осталось метров двадцать, замедлил шаг. Где же часовой, мать его!

Порой солдаты в желании поспать проявляют чудеса изобретательности. Морозов помнил немало случаев.

Однажды поздней промозглой осенью поставили солдат на склад порядок наводить. Один из бойцов умудрился уснуть на двух небольших, идущих вдоль стены едва теплых трубах отопления. Чтобы не упасть во сне с тонких, протянутых вплотную, бок о бок, труб, он пристегнул себя ремнем к третьей трубе, идущей сверху. Этакая страховка получилась.

Так его и нашли спящим в крайне неудобной позе, но зато со страховкой. Посмеялись, пару нарядов вне очереди раздолбай получил. Хотели на трое суток на «губу» закатать, но оценили изобретательность горемыки.

Хоть бы и этот прикорнул где-нибудь, подперев стеночку... Нет... Нету нигде его... Неужели бросил пост?! Вроде год прослужил, в карауле не первый раз, боец с понятием, не дурак, оружие доверить можно... Ну где же он?!. Старлей извлек из кобуры пистолет, щелкнул предохранителем.

Вот уже и ворота в ангар. Замок на месте. Старший лейтенант подошел вплотную, левой свободной рукой подергал замок, и тот вдруг отвалился: дужка оказалась перекушенной, на одном честном слове держалась. И пломбы нет! Где часовой!!! Он вскрыл?! Зачем?!

Почувствовав неожиданную опасность со спины, Морозов резко обернулся, выставив перед собой пистолет. Фу ты черт... Показалось...

Подергав за массивную ручку, офицер убедился, что внутренние замки ворот целы. Слава те, Господи, проникновения нет! Ну гаденыш! Что же он удумал-то? Совсем мозги съехали? Услышал топот, спохватился, спрятался где-то? Ничего, найдем... На «толчке» сгною. Отныне все грязные работы в части – его. Но сначала – промывка мозгов в особом отделе. Оттуда он вернется «просветленным». Отправят его сюда же, потому как здешний гарнизон – что-то вроде наказания для провинившихся ну и для тех, кому просто не повезло по службе в лучшее место попасть.

Морозов и не заметил, как потихоньку подошли остальные солдаты. Вот раздолбай! Ну что за дисциплина?! Кто ж на охраняемый пост так ходит?! Они привычно выстроились в две шеренги.

– Почему нарушили приказ и не остались на месте?! – грозно спросил старлей.

– Вас долго не было, товарищ старший лейтенант, – ответил за всех ефрейтор Ничипорук. – Мы волноваться начали.

– Доложу командиру роты. Ты, Ничипорук, как старший, получишь трое суток ареста, – жестко сказал Морозов и добавил: – Надо искать этого уроды. Рассредоточиться. Быстро прочесываем территорию до шестого поста. Дальше запретной линии у этого поста никто не идет. Не так, как здесь. Приперлись, словно стадо коров! Ничипорук!

– Я!

– Останешься на посту.

– Есть.

– Старшим на прочесе рядовой Емельянов.

– Есть, – ответил тот.

– Выполняйте.

Морозов направился к телефонному аппарату без диска. Массивная коробка телефона крепилась к столбу-грибку, стоящему неподалеку от ворот ангара. Достаточно снять не менее массивную черную трубку, чтобы получить связь с караулкой. Старший лейтенант намеревался объявить тревогу.

В этот момент кто-то из бойцов испуганно вскрикнул. Старлей опустил уже протянутую к аппарату руку.

Из темноты донеслось истошное:

– Товарищ старший лейтенант! Сюда!

– Куда, Ничипорук?! На пост! – приказал офицер рванувшемуся на крик ефрейтору и сам поспешил на зов.

В том месте солдаты уже подсвечивали спичками и зажигалками, возбужденно галдя. Морозов подбежал, достав на бегу небольшой фонарик, светя себе под ноги.

На траве повсюду были большие пятна крови.

Сердце у офицера заныло. Он раздвинул солдатские спины, оказавшись в центре толпы, шаря слабым лучом фонарика по ногам. На траве лежала оторванная голова часового с перекошенным в смертельной гримасе лицом. От неожиданности старлей отпрянул, натолкнувшись спиной на солдат.

Мысли хаотично заметались: «Ну, вот и случилось! Вот и дождались!»

Взяв себя в руки, он скомандовал:

– Всем десять шагов назад! Не топтать! Рассредоточиться! Оружие на изготовку! Боевая тревога!

Солдаты разбежались в стороны, упали в мокрую траву. Оторванная голова часового произвела на всех эффект разорвавшейся бомбы.

Морозов бросился к аппарату, сорвал трубку.

– Караульное помещение, – услышал он. – Сержант Нефедов.

– Боевая тревога, Нефедов!

Мгновение спустя ночную тишину разорвал надрывный вой сирены. Вспыхнули резервные фонари.

3

До утра, разумеется, уже никто не спал.

К счастью, дождь прекратился, хотя тяжелые тучи продолжали висеть над лесом.

При более тщательном осмотре в грязи были обнаружены несколько отпечатков ног в спецназовских берцах. Таких ни у кого в части не имелось. Обмундирование выдавалось времен еще царя Гороха. Даже офицеры щеголяли в кителях, пошитых лет тридцать назад, что уж говорить о солдатах.

Потому всем стало ясно: это следы чужаков. Судя по всему, они пытались вскрыть ворота ангара, но прибывшие солдаты во главе с Морозовым их спугнули.

За гнилым забором увидели примятую траву, с еловых ветвей сбита влага. Чужие пришли отсюда и уходили здесь. Примерно в километре лесная дорога, ведущая из гарнизона в поселок, из-за болота делает вынужденный крюк, обходя гиблое место. Скорее всего, там неизвестные оставили машину.

Нашли тело часового. Вернее, то, что от него осталось. Какой-то неведомый зверь растерзал беднягу в клочья, размотал кишки, вырвал кости...

Прибывший военврач сразу заявил: никакой зверь сделать подобное не в состоянии. Не поступают так звери даже в момент ярости.

Но если не зверь, то кто тогда?..

Разговоры... Разговоры... Домыслы...

4

К обеду понаехало начальство и даже один генерал-майор, матерившийся, как портовый грузчик.

Спокойный, сонный ритм забытой Богом войсковой части разорвали беготня, суета, работающие двигатели автомобилей, резкие команды.

В сопровождении двух малоразговорчивых капитанов-особистов отчужденно держался некий штатский с выправкой военного. Все трое приехали вместе с генерал-майором на его служебной черной «Волге».

Штатский – лет тридцати пяти, чуть выше среднего роста, хорошо сложенный, резкие черты загорелого лица, внимательный прищур серых глаз, короткий ежик светлых волос. Тяжелый подбородок, накачанная жилистая шея, мускулистые – это видно даже под тканью пиджака – руки, костистые кулаки.

Лишь несведующий не понял бы, что это офицер службы госбезопасности. Вот только вместо гражданского светлого пиджака и отутюженных брюк с начищенными черными туфлями ему больше подошел бы камуфляж или «песчанка» с закатанными рукавами, разгрузка, забитая автоматными магазинами, да укороченный, как у десантуры, автомат.

Этот столь не похожий на штатского человек проявил большую заинтересованность именно останками часового. Сопровождавшие его особисты создали невидимый барьер между этим загадочным штатским и остальными.

Он какое-то время внимательно их разглядывал, потом приказал уложить все в кусок брезента.

Никто, кроме него, не знал, что случаи подобных нападений участились. На каждый из них немедленно распространялся гриф секретности, а все без исключения свидетели получали соответствующее предупреждение.

Шутить с комитетом могут лишь глупцы да сумасшедшие.

Даже не спросив продолжавшего извергать маты генерал-майора, штатский приказал загрузить в багажник генеральской «Волги» завернутые в брезент останки. Затем молча указал водителю пальцем: вон из машины. Сам сел за руль и погнал прочь из войсковой части, особо не жалея подвеску автомобиля, гоня его по лесной, заросшей травой колее.

5

Мощный движок «субару» оглушительно взревел. До ума его доводили в мастерской, которая специализировалась на «апгрейде» стритрейсеровских машин. Механики за работу брали дорого, но оно того стоило.

Хозяин ревущего «болида» – высокий, несколько располневший из-за преимущественно сидячего образа жизни, но в целом не утративший спортивную фигуру – выглядел уверенным в себе. Настоящих конкурентов у него сегодня не было. Потому никто из собравшихся вдоль периметра улицы, перекрытой прикормленными гаишниками, не ставил на победителя: все гадали, кто придет вторым и третьим.

Длинноногая блондинистая Ленка, воплощавшая сегодня знаменитый образ Мэрилин Монро с развевающейся на ветру юбкой, сунула голову в открытое окно «субару» и с томным вздохом оставила на щеке водителя алый многообещающий отпечаток.

– Котик, – чуть лениво, с придыханием, способным свести с ума любого мужчину в возрасте от пяти до ста пятидесяти лет, проговорила она, – ты просто обязан сегодня победить. Иначе я обижусь и буду любить тебя не так страстно, как обычно.

Ленка провела по его волосам рукой цвета шоколада с молоком (не солярий – Мальдивы) и отстранилась.

«Котик», с трудом вытерпев представление, устроенное больше для посторонних, чем для него, кивнул:

– Все будет в порядке, Ленуся. Не переживай.

Про себя подумал, что с затянувшимся романом нужно завязывать.

Нынешнюю страсть интересовало только одно – деньги, а их у Андрея Липатова, менеджера средней руки в крупной торговой компании, хватало. Нет, дело отнюдь не в приличной даже по столичным меркам зарплате.

Просто когда в две тысячи восьмом страну крепко потрянул кризис, Андрей чисто по наитию купил пакет акций металлургического комбината. Тогда они стоили сущие копейки. Перепуганные брокеры скидывали то, что, на их взгляд, было токсичными активами, не заглядывая в будущее. У Липатова в тот момент на руках оказалась приличная сумма, и, положившись на интуицию, он полностью вложил свой капитал в акции. Как выяснилось позже, не прогадал.

Спустя пару лет все вернулось на круги своя. Комбинат заработал в полную мощь, стал платить дивиденды. Стоимость акций возросла в пять с лишним раз. Тогда Андрей по-настоящему ощутил вкус легких денег, благодаря которым появились: хорошая квартира в центре города, навороченная «субару», а с ней и страсть к стритрейсингу.

Золотая молодежь любила погонять в темное время суток, однако далеко не все обладатели дорогих тачек были хорошими водителями. Зато Андрей за рулем чувствовал себя будто рыба в воде, вернее, как акула в стае мелких рыбешек.

Каждый человек появляется на свет с каким-то талантом – Липатов был прирожденным водилой.

В тюнинг и усовершенствование своей «японки» он вложил не только бешеное количество денег, но и частичку самого себя. В теле банального «менеджера» билось сердце профессионального гонщика.

Сегодняшний маршрут не был сложным: всего-то два поворота, вписаться в которые с устойчивостью «субару» – плевое дело. Потом триумфальный финиш, всеобщий восторг и обожание, на десерт – горячее, как песок в Сахаре, Ленкино тело.

Дня через два он с ней расстанется.

Еще на Мальдивах избранница начала его тяготить. Слишком фальшивой была ее напускная любовь, слишком жадными становились ее глаза, когда она смотрела на его кредитку.

До поры до времени Андрея это устраивало, но всему на свете приходит конец. И лучше с ним не затягивать.

Любовь без радости была, разлука точно будет без печали, причем для обеих сторон. Замену Ленка найдет быстро, достаточно вспомнить, как засматривается на ее аппетитные формы сынок мэра – тоже стритрейсер, севший за баранку спортивной «бэхи» после похода в кино на последний по счету (не то пятый, не то шестой) «Форсаж».

Ну, а Андрей однозначно не пропадет. Елена Прекрасная явно не первая и точно не последняя в его бурной жизни.

Липатов красавцем себя не считал, однако по собственному опыту знал, что внешность – это не главное. Нравиться женщинам он умел и ухаживал красиво, благо тугой бумажник тому немало способствовал. Огромные букеты из сто одной розы, рестораны, ночные клубы, отдых за границей... Ну кто устоит?

К машинам стритрейсеров подошел гаишник. Увидев знакомое лицо, Андрей вздрогнул.

Вспомнилось то, что ему так упорно хотелось забыть.

6

Чечня его призыв зацепила совершенно случайно. По телевизору большие дяди в генеральских мундирах уже начинали бить себя пяткой в грудь, доказывая, что солдат-срочников ТАМ нет.

Будь у Липатова такая возможность, он посмеялся бы людям из телящика в лицо. Если все обстоит так, как рассказывают эти морды, почему тогда в маленьком чеченском ауле появился их взвод – тридцать парней после учебки, которые и стрелять-то толком не умели?

Взвод взвэшников раскидали по нескольким блокпостам. Поначалу все было тихо и мирно, местные солдат не трогали, те в свою очередь тоже никого не задирали. Такое статус-кво продолжалось почти две недели.

Потом был ночной бой, в котором Андрею пришлось убить человека – не борода-того хмурого боевика в камуфляже, какими их любят показывать на центральных каналах, а вполне интеллигентного с виду мужчину, которого можно было принять за школьного учителя.

Правда, в руках «учитель» держал не портфель с ученическими тетрадками, а АКМ и, перед тем как погибнуть, успел подранить Тоху Смирнова. Двум другим бойцам повезло куда меньше.

«Двухсотых» повезли хоронить на родину: они оказались из одного города, даже жили по соседству. Андрей входил в число сопровождающих.

Похороны были тяжелыми.

Рыдали матери убитых солдат, глотали слезы отцы, плакали в сторонке невесты.

От волнения у него задергалась щека, а на голове появилась первая седина. В девятнадцать лет...

В бою было намного легче.

После дембеля он устроился в компанию, в которой работал и поныне. Тоха подался в ГИБДД.

Каждый раз, видя перед собой бывшего сослуживца, Липатов вспоминал тот бой, убитого боевика и плачущих родителей погибших солдат.

Того «учителя» тоже было кому оплакивать. Андрей сожалел, что принес горе в его семью, но тогда, на блокпосту, у него не оставалось выбора. Или он, или его.

7

Смирнов, переговорив с устроителем гонок, подошел к Липатову:

– Здорово, Андрей!

– Здорово, коль не шутишь.

– Да уж какие тут шутки! Короче, у вас на все про все окно в полчаса. Надо уложиться.

– Не вижу проблем! Времени за глаза хватит.

– Тебе – да. Насчет остальных не уверен. Больше всего сомневаюсь в этом! – Смирнов кивком показал на БМВ, за рулем которой сидел сынок мэра. – Если с ним что-то случится, меня его папаша с потрохами сожрет. Ты понимаешь?

– Понимаю.

Раздался автомобильный гудок. Водитель «бэхи», догадавшись, что говорят о нем, нажал на клаксон.

– Идиот! – тихо ругнулся Смирнов.

– Не бери в голову, – произнес Андрей. – Все будет тип-топ.

– Хотелось бы верить, – вздохнул гаишник. – Только на душе муторно. Как в Чечне перед тем, как меня ранило. Помнишь, я тогда с утра ходил как в воду опущенный?

– Помню, – кивнул Липатов, хотя на самом деле не помнил.

Смирнов продолжил:

– Чувствовал я тогда что-то. И сегодня чувствую.

– Типун тебе на язык! Накаркаешь еще! – возмутился Липатов.

По спине пробежал неприятный холодок.

Андрей давно верил в приметы, предопределение и в фатум. Атеистов и несусеверных на войне не бывает, перековываются после первого же обстрела.

Тоха говорил убежденно, а значит, действительно что-то чувствовал, а может, и знал, только говорить не хотел в надежде, что пресловутое шестое чувство ошибается. Такое тоже бывает, но гораздо реже, чем хотелось.

– Ладно, мне пора. – Тоха пожал ему руку и ушел.

Спортивный БМВ подкатил к «субару» Андрея. Боковое стекло опустилось.

– Спорим, я сегодня сделаю твою япономарку, – ухмыльнулся сын городского главы. – Ставлю полштуки евро на мой выигрыш.

Липатов поначалу решил принять пари, но, вспомнив слова старого сослуживца, передумал.

– Оставь себе. Я у детишек карманные деньги не забираю, – сказал Андрей и только потом сообразил, что наживает себе неприятности.

Разговаривать в такой манере с парнем, отец которого вертит на известном предмете почти всех бизнесменов города, не стоило. Но было поздно. Юноша сначала побледнел, потом покраснел.

Ну все, жди подляны, понял Липатов. Стучать папаше молодой человек не будет, однако организовать какую-нибудь пакость ему под силу.

«Пусть „отобьет“ у меня Ленку и удовлетворится этой победой», – решил Андрей.

Эта мысль ему определенно нравилась больше остальных.

Девушка, словно догадавшись, что Липатов думает о ней, послала ему воздушный поцелуй. Андрей кисло улыбнулся в ответ.

Публика заулюлюкала.

Началось!

По сигналу машины выстроились в один ряд. Улица была широкая, шестиполосная, с практически идеальным асфальтовым покрытием. Места хватит на всех.

Андрей собрался, сосредоточившись на предстоящем заезде.

Он не был обычным адреналинщиком, которому подавай острые впечатления, и неважно, каким способом.

Ему нравилось обладать мощной машиной, выжимать из нее максимум возможностей, причем победа была не так важна, как сам процесс.

Быстрота, скорость, рев двигателя, сила, толкающая его в спинку кресла, мелькающий за окном пейзаж. Он словно растворялся во времени и пространстве, сливался в единое целое с автомобилем, аннигилирующим километры дороги.

Андрей не мог подобрать нужные слова, чтобы описать то, от чего он ловит кайф. Не придумано еще таких слов. Только набор коротких мыслей-эмоций, и все.

Когда гонка заканчивалась, он долго не мог выйти из неистового экстаза, в который впадал с момента старта.

Плвать, кто первым пересек финиш! Если он, круто! Здорово! Кто-то другой – все равно классно! Жизнь удалась!

Потом наступал эмоциональный спад. Пару дней он ходил с пустыми глазами, затем оживал снова.

Будь у него выбор – ночь с самой прекрасной на свете женщиной или сто километров бешеной гонки на трассе, Липатов выбрал бы последнее. И никогда не пожалел бы.

В начале заезда он сразу обставил соперников, вырвавшись метров на сто вперед. Разрыв между лидером и остальными гонщиками стремительно увеличивался.

«Субару» ревушим призраком летела по ночному городу, за ней веером распустился хвост других автомобилей.

Мелькали фонарные столбы, бортики ограждений, деревья, высотки.

Трасса проходила в отдалении от спального района. Движение по ночам тут было редким. Вряд ли кто из жителей ближних домов слышал натужный гул двигателей соревнующихся автомобилей.

Через три километра поворот. Если грамотно вписаться, все. Победа в кармане.

И снова скука, маета от безделья. Но пока азарт, безумная страсть и наслаждение скоростью.

Ночь, царица ночь. Воистину темны дела твои, а власть безбрежна. Никому не ведомо, какой сюрприз заготовили твои крепкие объятья.

8

Машина красиво прошла поворот, Липатов сбросил скорость. «Субару» плавно свернула и... оказалась в кромешной тьме.

Фары выхватывали несколько метров дороги, фрагменты увиденного водителю не понравились.

Дорожное полотно напоминало стиральную доску.

Автомобиль тряхнуло, макушку крепко приложило о потолок. «Субару» заскакала по кочкам, ее чуть не занесло. Андрей титаническими усилиями сумел выровнять машину. Будь скорость повыше, наверняка перевернулся бы.

Ремонт? Но где ограждения, знаки? Дорожные рабочие порой проявляют беспечность, однако не до такой же степени! Тем более, что еще несколько часов этот участок трассы был в полном порядке. Андрей специально прокатился по нему перед заездом. Да и Тоха Смирнов обязательно предупредил бы. Что он – себе враг?

Ошибиться, свернуть не туда Андрей не мог, ибо поворот был один.

И где, кстати, остальные гонщики?

Он не видел их фар, не слышал звука моторов.

Только темнота, ночь и разбитая дорога.

Чистой воды сюрреализм, помутнение сознания или что там еще?

А потом яркая вспышка во тьме, треск в лобовом стекле и осколки в лицо.

По звуку он определил, что в машину стреляли из автомата, били практически в упор и не попали только чудом.

Хорошо, что Андрей ехал без пассажира. Правое сиденье было буквально изрешечено. Окажись там человек – верная смерть. К гадалке не ходи.

Липатов резко крутанул руль. Он не привык действовать в подобных обстоятельствах, ждал чего угодно, но только не автоматной очереди в себя, любимого.

Теперь «субару» действительно занесло. Упав набок, машина прокатилась несколько метров, жалобно скрипя трущимся об асфальт кузовом, и остановилась, будто умерев на ходу.

Андрея прижало к дверце. Сверху посыпалась какая-то мелкая дрянь, осколки бокового стекла.

А когда «субару» прекратила движение, ему стало страшно. Гораздо страшнее, чем много лет назад на блокпосту в Чечне.

Андрей с трудом вылез через проем, где еще пару мгновений назад стояло лобовое стекло, а теперь зияли дырки от пуль с разбежавшейся мелкой паутиной трещин.

Сознание наполнило смешанное чувство непонимания происходящего: кто стрелял, почему, за что? Тяжелым грузом давило сожаление о разбитой дорогой машине; где-то на периферии роились мыслишки о цене за ее восстановление; но все пересиливал страх за свою жизнь и опять же за машину, которая может взорваться.

Сработали приобретенные в Чечне рефлексy. Слегка разленившееся от сытого образа жизни тело слушалось плохо, но, подчиняясь инстинкту самосохранения, оно самостоятельно, без участия Андрея, выполняло все необходимое.

Липатов, сидя на корточках, прильнул спиной к теплoму гладкому капоту, пытаясь определить, откуда стреляли, но в кромешной темени дальшe нескольких метров не видел ничего. Чернота была абсолютной, словно разлили черную гуашь. Даже небо без единой звездочки.

Вдруг он почувствовал резкий запах бензина и боковым зрением уловил выскочившую из закоротившей проводки искру.

Андрей резко выдохнул, оттолкнулся спиной от капота, побежал в ночь, ожидая взрыва и моля Бога, чтобы его не случилось, – ведь сгорит же машина!!!

Взрыва не случилось. Послышался негромкий хлопок, и тут же вспыхнуло. Сразу, как спичка.

Автомобиль горел ярко, по-киношному. Огненные языки устремились вверх, все сильнее охватывая кузов.

В отчаянии стиснув зубы, Липатов смотрел на объятый пламенем «болид», в который вложил частичку своей души и немалое количество «карбованцев» с изображением в овальной рамке щекастого и волосатого дядьки, так всеми любимого.

Надо сматываться – стрелявшие были поблизости, вряд ли их намерения стали миролюбивей. Но ноги будто приросли к земле. Он замороженно глядел на пламя, не в силах оторвать взгляд.

Оно осветило ближайшие окрестности – мусорные кучи, торчащую из вывернутых бетонных плит арматуру, куски труб, поваленные столбы с путанными струнами провисших проводов...

Вдруг из-за этих сюрреалистических куч, метрах в пятидесяти от горящей машины, появились силуэты троих человек. Пригибаясь, они перебежками устремились в сторону машины.

Люди были вооружены. Один из неизвестных увидел Андрея (сложно не увидеть на фоне огня), вскинул автомат и дал короткую очередь.

Эхо грохотом унеслось прочь. Пули страшно вжикнули у самой головы Липатова.

Он бросился в темень, тут же упал плашмя, преодолевая боль в коленях и локтях, пополз вперед, укрылся за кучей кирпича. Мгновение спустя выглянул, ища неизвестных, отчего-то вознамерившихся убить его.

Врагов у него не то чтобы не было, но вряд ли кто-то из них стал бы заказывать бригаду киллеров.

Мэрский сынок? Успел наябедничать крутым знакомым, а те вихрем примчались, уложившись в пару минут? Нет, это из области ненаучной фантастики.

Мысли хаотично метались, не позволяя принять какое-то определенное решение, инстинкт гнал подальше от опасного места. Подчиняясь ему, Андрей то на корточках, помогая себе руками, то пригибаясь к самой земле, устремился прочь.

На беду ли, на удачу – Андрей не мог для себя решить, – из-за туч выглянул ущербный кус бледной луны. Стало светлее. Окрестности прорисовались лучше, однако и он сам теперь был гораздо заметней.

В горячке Липатов не сознавал, что видит странно изменившийся город – за пустырем метрах в двухстах выделялись мрачные силуэты нескольких пятиэтажек с черными зевами окон, в которых не было ни намека на свет. Не видно было ни одного горящего фонаря уличного освещения. Все погружено во мрак. При ущербной луне чернели только мертвые коробки зданий, кучи мусора, слежавшегося кирпича, покореженный и скособоченный сиротливый киоск, сгоревшие остовы нескольких легковых автомобилей.

Подобное Андрей видел в Чечне. Давно. Будто бы в другой жизни, которую ему страстно хотелось забыть, но не удавалось, хоть он и старался.

Происходящее сейчас он еще не осмыслил в полной мере.

Инстинкт гнал его все дальше и дальше, прочь от страшных людей с автоматами, сгоревшего «субару».

«Похоже, я нарвался на одну из бандитских стрелок. Меня приняли за кого-то другого», – думал он на бегу.

Надо найти милицию, то есть полицию. Рассказать им, что и как случилось.

Машину жалко, никакая страховка не вернет ему то, что было. Впрочем, грех жаловаться: он жив и даже не ранен. Голова не болит, тошнота не подкатывает, значит, сотрясения мозга нет.

А вот дышалка сбилась, в висках застучали мелкие молоточки. Андрей остановился, сделал несколько дыхательных упражнений, которым учили еще в армии. Когда-то он спокойно бегал десятикилометровые кроссы с полной выкладкой. Первым к финишу не приходил, но и в дохляках не числился. Гоняли их тогда сержанты, как сидоровых коз. Что самое интересное – многое потом пригодилось.

Вдох-выдох, пора.

Андрей потрусил вперед. Кажется, его не преследовали, и все же чем дальше он отсюда уберется, тем лучше.

Глаза успели свыкнуться с темнотой. Он увидел, что впереди, метрах в двухстах от него, прямая кишка улицы перегорожена настоящей баррикадой: бетонные плиты, кирпичи, остовы автомобилей, мешки с песком поверху, разный хлам – от мебели до старой бытовой техники.

Это уже какая-то Красная Пресня получается или Париж времен Парижской коммуны, о которой Андрей слышал в школе и читал в «Отверженных» у Гюго. Вот только он ни в коей мере не походил на Гавроша.

Ноги по инерции понесли вперед, однако грозный окрик с преградившего путь сооружения содержал недвусмысленную угрозу:

– Стой! Буду стрелять.

Андрей замер:

– Не стреляйте! Я стою.

Он с надеждой посмотрел наверх. Сейчас они увидят, поймут, что у него проблемы. Помогут, в конце концов!

– Чего тебе надо? – спросили с баррикады.

Прожектор осветил его одинокую фигуру. Он зажмурился.

– На меня напали. Мне надо в полицию. Срочно, – заговорил Андрей.

– В какую полицию? Мужик, ты сдурел! Вали на!..

– Да помогите же! – взмолился Андрей.

Язык ворочался с трудом, и слова давались ему тяжело. Особенно столь унижительные для мужчины, который давно привык чувствовать себя самодостаточным.

Грохнул выстрел.

– Топай отсюда, урод. Следующая пуля будет твоей, – грозно предупредили с баррикады.

Андрей послушно развернулся и пошел в темноту.

Он не хотел уходить далеко. Люди с баррикады, в отличие от тех, кто сжег его машину, все же не стали стрелять в него, хоть и имели такую возможность. Есть смысл держаться к ним поближе – так безопаснее.

А потом Андрей передумал. Пожалуй, чем дальше он уберется от вооруженных психов, тем лучше.

На перекрестке свернул направо, подошел к развалинам двухэтажного дома и, подумав, нырнул в ближайший проем. Какое-никакое, а укрытие.

Стоп! Есть мобильник, можно позвонить, предупредить, вызвать подмогу, да мало ли вариантов!

В шоковом состоянии он совершенно забыл о такой возможности.

Андрей мысленно обозвал себя идиотом.

Вот только поверят ли ему менты? Не примут ли его слова за бред алкоголика или за галлюцинации обдолбавшегося наркомана?

Ничего, он покажет сгоревшую машину. Доказательство железное, пусть попробуют поднять на смех!

Звонок, всего один звонок.

Его ждало разочарование. Мобильник пострадал в недавней аварии и превратился в бесполезный кусок пластика. Андрей с тоской повертел его в руках, без особой жалости выкинул и задумался.

Теперь до него в полной мере начала доходить странность происходящего.

Случившееся походило на дурной сон, но Андрей понимал, что это не так. Он во что-то влип, но во что именно? Логического объяснения не находилось.

Шоковое состояние прошло, вместо него появилась страшная усталость.

Глаза смыкались. С невероятной силой клонило ко сну.

Андрей присел на корточки, немного подумав, распрямил ноги. Так было гораздо удобней.

«Утром разберусь», – решил он и, прислонившись к холодной стене, заснул.

9

Нашпигованный рваными, тревожными видениями сон внезапно оборвался вспыхнувшей в сознании молнией. Липатов будто упал в пропасть и очнулся от боли. Реальной боли. Он открыл глаза.

Над ним навис неизвестный, а перед самым лицом Андрея бездонным провалом чернело дуло «акаэма».

Еще один удар в бок пронзил насквозь все тело.

Послышался грубый гортанный окрик с легким, скорее наигранным, нежели естественным акцентом:

– Э, ишак, вставай, да! Тебя до обеда надо будить, да?

Преодолевая боль, Липатов подскочил, отпрянув от неизвестного, облаченного в грязный камуфляж. Обросшее черной бородой лицо незнакомца презрительно скривилось.

Андрея захлестнул поток образов из неприятного прошлого.

Чечня...

Однако чернобородый быстро вернул Липатова в еще более неприглядную действительность.

Он ткнул Андрею стволом автомата в живот и все так же гортанно и с акцентом воскликнул, слегка растягивая гласные в словах:

– Э! Я твой мама имел! Ты глухой или тормоз, да?

Андрей, неудачно скрывая страх, посмотрел на бородача и хрипло произнес, не узнавая собственного голоса:

– Не стреляй... Не надо...

Бородатый с превосходством ухмыльнулся. Его злые карие буравчики сверлили Липатова, а тот старался не смотреть в глаза жестокому человеку.

В стиснутом страхом сознании Андрея вновь зароились воспоминания о Чечне.

Тело сотряс неожиданный озноб, с которым он никак не мог справиться. Потокom неслись мысли об одном и том же: «Как такое возможно, как он попал туда, куда ни за какие деньги не согласился бы вернуться еще раз? Что произошло... что произошло... что произошло???»

Появился еще один, вооруженный автоматом, уже рыжебородый, лет двадцати пяти – тридцати. Впрочем, борода делала его значительно старше. Он был невысокого роста, коренастый, уверенный в себе, в таком же грязном камуфляже, что и первый.

Коренастый что-то спросил у товарища на своем непонятном языке. Тот ответил. И тогда рыжебородый, ни слова не говоря, врезал Липатову прикладом в грудь.

Болезненный удар оказался много сильнее боли от падения. Дыхание перехватило. Андрей сдавленно вскрикнул и тяжело, часто задышал, пытаясь унять мучительные ощущения. Помутненным сознанием он чувствовал, как ему завернули за спину руки и туго связали их от запястий до локтей. Затем, пиная в бока, заставили подняться. Подталкивая в спину автоматами, награждая пинками в зад, гортанно выкрикивая угрозы, выгнали на улицу.

С пасмурного неба крапал мелкий дождь. Серый рассвет расширил скрытый ночной темнотой горизонт. Теперь у Липатова появилась возможность осмотреться.

Увиденное потрясло. Куда ни глянь – везде разруха и запустение. В городе, на окраине которого он находился, явно когда-то шли бои. Об этом свидетельствовал остов сгоревшего танка Т-80 с разбитыми траками, башня повернута вбок, пушка уныло опущена почти к самой земле. Все здания в пределах видимости основательно разрушены, стены испещрены щербинами от ударов пуль, провалы окон закопчены – в помещениях бушевали пожары. Кое-где стены зданий осыпались, вероятно от взрывов при попадании снарядов. Улицы усыпаны

мусором, асфальтовое покрытие разбито воронками с вывороченной, уже слежавшейся землей вперемешку с глиной и камнями.

Самое ужасное, что это был родной город Андрея.

Но... какой-то старый, что ли...

Эту окраину Липатов хорошо знал, здесь нередко проводились гонки, в которых он так любил участвовать. Только в его городе здесь, помимо довольно старых домов, высились и новенькие шестнадцатиэтажки, возведенные какой-то строительной компанией, выхватившей в жесткой конкуренции пусть не самые престижные городские участки, но все же.

В этом городе не было высоток. Только пятиэтажные безликие панельные и кирпичные коробки, возведенные «во времена оны», когда не обремененный жизненными проблемами младший Липатов, ведомый мамой за ручку, шагал в детский сад...

Если бы не боль от ударов, крики бородатых и липкий всепоглощающий страх, Андрей снова решил бы, что это сон. Дурной сон. Когда он проснется, все будет по-прежнему: неплохая работа, хорошая квартира, деньги и, самое главное, машина, которой Андрей гордился небезосновательно, потому что второй такой в городе точно не было.

Его погнали куда-то по разрушенной улице, но недалеко. За третьей по счету полуразрушенной пятиэтажкой Андрей увидел сидящих на корточках, на составленных в стопку кирпичах и просто на асфальте людей – мужчин и женщин разного возраста. Всего человек тридцать, может, чуть больше. Они хмуро мокли под небольшим дождиком, время от времени с опаской озираясь по сторонам. Все мужчины, как и Андрей, были связаны. У женщин руки оставались свободными, видимо, неизвестные не опасались их – слабых и напуганных.

Сбившихся плотно людей охраняли несколько человек в камуфляже, вооруженных «калашами». Как успел заметить Андрей, среди них двое были вполне славянской внешности. У одного даже между расстегнутыми на груди пуговицами камуфляжной куртки виднелся крестик на шнурке.

Липатова толкнули в общую кучу, и он опустил на колени, сгорбившись. Наконец-то появилась возможность привести мысли в порядок и понять, что же все-таки произошло. Но никакого разумного объяснения случившемуся он по-прежнему не находил.

Андрей исподтишка поглядывал на соседей и вдруг осознал, что все они одеты как-то одинаково, неброско, бедновато даже. Так одевались когда-то давно строители коммунизма, не верящие в него, испытывающие дефицит буквально во всем. У этих людей даже выражения лица было иное. Какое? Андрей не смог бы сказать точно, но определенно иное.

Документальные фильмы тех лет очень наглядно передавали ту атмосферу. Люди, жившие в те времена, вскорости начнут сожалеть о них, как о безвозвратно утерянных вместе с великой державой, с интересами которой считался весь мир.

Липатов не разделял эту позицию, даже посмеивался над ностальгирующими.

Он полагал, что время, в которое ему довелось жить, гораздо лучше того, о котором с грустью вспоминали его родители.

Андрей был убежден, что сейчас, если умеючи, можно добиться таких высот, о каких при Союзе нечего было и помышлять...

А если что-то не получилось, так сам виноват. Слабые и неудачники должны отсеиваться естественным отбором.

Липатов обратил внимание, что находящиеся рядом с ним люди с любопытством рассматривают его, одетого совсем не так, как они. Он вдруг подумал, что в своих кроссовках, фирменных джинсах и яркой футболке похож на какого-нибудь иностранца, приехавшего в Союз образца восьмидесятых, когда тотальный дефицит свирепствовал, словно чума.

Чтобы не встречаться с завистливыми даже в такой ситуации взглядами, он посмотрел поверх голов товарищей по несчастью.

Вокруг все тот же мрачный пейзаж войны.

И почти сразу Липатов увидел на торце одной из пятиэтажек написанный красной краской лозунг: «Решения XXXII съезда КПСС – в жизнь!»

А чуть ниже еще один: «XVII пятилетку – 2010–2015 гг. – за четыре года!»

Краска не выглядела совсем уж старой и облезшей, как это случается с годами. Просто атмосфера разрухи делала город заброшенным и унылым, но если приглядеться повнимательнее, становилось ясно: бои шли здесь не более года назад.

Липатов подсчитал, что если бы СССР здравствовал и поныне, то как раз случился бы тридцать второй съезд коммунистической партии и семнадцатая пятилетка. Тем более что даты на втором лозунге это подтверждали.

Значит...

Нет...

Нет!

Этого не может быть!

Однако реальность говорила сама за себя. Неужели ситуацию надо принимать такой, какая она есть?

Если это не смерть, не галлюцинации, тогда хороши любые объяснения в рамках здравого смысла.

На ум пришла следующая гипотеза: каким-то неведомым образом он угодил в некий параллельный мир, где СССР продержался намного дольше, чем в привычной реальности. Не так давно, судя по следам разрухи, началась война. С кем? С американцами? С китайцами?

В таком случае кто эти неизвестные, которых он вначале принял за чеченских боевиков? То, что они с Кавказа, сомнений не вызывало, однако что среди них делают вон те двое русских? Наверное, это какая-то банда, возможно дезертиры. Но с кем же все-таки война?

Андрею стало не по себе при мысли, что он, возможно, сейчас получает дозу радиации, облучаясь от последствий взрыва атомной бомбы, – ведь если это война, значит, непременно ядерная. Однако секундой позже он ощутил настоящий страх, осознав, что это какой-то совсем другой мир.

Другой!!!

Разве такое возможно???

В книгах, в кино – да. Но не в реальной жизни.

Бред какой-то! Бред! Бред!

Но даже если на секунду допустить возможность подобного, возникает вполне резонный вопрос: как вернуться назад? Как?

И самое главное: что с ним будет дальше, зачем он нужен этим бородачам? Если хотели бы убить, давно убили бы...

Используют как раба или продадут в рабство? Это вполне в духе чеченских боевиков. Иногда они обменивают пленных на выкуп родственников. Он видел таких пленных в Чечне и в Дагестане, где базировалась его войсковая часть.

Освобожденные являли собой жалкое зрелище. Попадались такие, что по несколько лет находились в рабстве, сидели в вонючих зинданах. Это были седые мальчишки с мертвыми глазами и неживыми масками вместо лиц...

Им повезло. Их освободили при очередной зачистке или выкупили родственники.

Но у него здесь никаких родственников нет...

Господи!!! Неужели с ним будет то же самое?!

Панические мысли прервались появлением другой партии вооруженных камуфлированных незнакомцев. Всего их собралось человек пятнадцать. Среди вновь пришедших тоже были люди славянской внешности.

Пленников грубыми окриками подняли с земли, выстроили в колонну по двое. Андрей оказался в паре с худеньким невысоким пареньком лет двадцати или чуть больше. Паренек затравленно озирался, в широко раскрытых черных глазах застыл испуг, небольшая черноволосая голова спряталась в остренские плечи.

Кто-то из бородачей встал во главе колонны, кто-то – в хвосте, а остальные – слева и справа от пленников.

Невольничий караван потянулся по изуродованной войной городской улице.

Бородачи заметно нервничали, зыря по сторонам, сторожко поводя автоматами. Колонна петляла змейкой, пленники часто спотыкались, обходили завалы, заполненные гнилой водой воронки, перешагивали через поваленные столбы или пролезали под теми, что упали не до конца, повиснув на проводах.

Стоящие по обеим сторонам дороги полуразрушенные, похожие друг на друга однотипные пятиэтажки зияли провалами подъездов, чернотой оконных проемов, в которых кое-где сохранились рамы и даже осколки стекол с отражающимися порой солнечными бликами. Вот в этих случаях конвоиры просто падали, где шли, выставив перед собой автоматы.

Липатов уже сообразил: опасаются снайперов.

Все, как когда-то в Чечне при зачистках...

10

Нападение, как это и бывает при подобных обстоятельствах, случилось внезапно.

Из очередной подворотни и нескольких оконных проемов одновременно грохнули автоматные очереди. Трое конвоиров, схватив пули, осели безвольными кулями, остальные залегли, ведя суматошный огонь, толком не понимая, откуда началась стрельба.

Эхо перестрелки заметалось по улице...

Пленники бросились врассыпную. Кто-то упал, сраженный пулей. Другие, более хладнокровные, повалились за любые попавшиеся укрытия...

Женщины голосили...

Бородачи остервенело кричали, посылая автоматные очереди по сторонам...

Липатов, согнувшись, метнулся в сторону, стараясь вырваться из засады, спрятаться, а затем бежать.

И это у него почти получилось, но, на беду, он споткнулся, больно грохнувшись, – руки, связанные за спиной, не позволили правильно сгруппироваться. При падении Андрей хорошо приложился подбородком о булыжник, зубы клацнули, как у собаки, из глаз вышибло слезы, рот заполнился кровью.

Он скорчился, подтянув колени к груди, и лежал так, не пытаясь пошевелиться: боль была настолько сильной, что хотелось только одного – чтобы она отступила.

Рядом с ним упал конвойный из тех, что были славянской наружности. Его безбородое, но заросшее неопрятной щетиной лицо исказилось в злой гримасе. Умело отсекая по два патрона, он вел прицельный огонь по черным зевам окон. В его поведении не ощущалось паники, напротив, конвойный был спокоен и делал привычную работу. Видимо, такие нападения ему приходилось отражать не впервой.

Андрей мысленно выругался. Шансов удрать при таком соседе у него не было.

Бой стих так же неожиданно, как и начался. Еще мгновение назад грохотали выстрелы, металось многоголосое эхо, и вдруг все стихло, только громко стонал кто-то раненный. Конвойные еще какое-то время продолжали лежать. Потом, убедившись, что неведомые нападавшие ретировались, начали осторожно подниматься, готовые вновь упасть и открыть пальбу.

Из окон уже никто не стрелял. Бородачи успокоились и стали поднимать пленных, не скупясь на удары ногами и прикладами.

Поднялись не все. Среди погибших были как конвоиры, так и те, кого они вели.

Громко стонавшего раненого из пленных какой-то бородач добил одиночным выстрелом.

Андрей воспринял это как-то отстраненно, реагируя на происходящее на уровне рефлексов.

Теперь захваченных людей заставили бежать.

Поначалу и подгонять-то никого не приходилось – все стремились убраться подальше от места засады. Потом некоторые начали отставать, особенно женщины и мужики постарше. Колонна растянулась.

Бородачи беспрерывно ругались, толкая прикладами в спины отстающих. Женщинам доставалось поменьше – впрочем, их слезы и стенания ничуть не трогали конвойных. Когда обессиленно опустилась первая, ее без слов застрелили. Это на время придало несчастным сил, и они, тяжело дыша, продолжили изматывающий бег в неизвестность.

Потом запал кончился. Отстающих становилось все больше. Люди падали и не могли подняться.

Никто не заставлял их встать и бежать дальше. Сразу грохотал выстрел, и это на короткое время подгоняло почти выдохшихся пленников...

Липатов бежал бок о бок все с тем же щупленьким пареньком. Бег по пересеченной местности со связанными за спиной руками – задача не из простых. Ведь бежать приходилось не трусцой, а гораздо быстрее.

Постоянно попадались препятствия, большие и маленькие. Глаза застилал пот, легкие работали, как кузнечные мехи, силы быстро таяли. За спиной все чаще звучали одиночные выстрелы.

Тяжелая, все заслоняющая мысль стучала в виски: «Не могу... Не могу больше... Не могу...»

Ей противилась другая, слабая, но упорно цепляющаяся за жизнь: «Надо... Надо... Надо...»

Наконец разбитая улица закончилась. Дальше дорога уходила за город. Здесь она и вовсе превратилась в сплошные колдобины. По обеим ее сторонам раскинулся неровный пустырь, поросший чахлой травой и репейником. Куда ни глянь – везде кучи мусора, будто большую свалку по всему пустырю разутюжил бульдозер.

Справа, параллельно дороге, тянулись эстакады метра три высотой, поддерживающие ржавые трубы небольшого диаметра. Топорщились жалкие остатки сорванного утеплителя, добавляя уныния и в без того нерадостный пейзаж.

В сером небе кружило бесчисленное воронье. Черные птицы, непрерывно каркая, тяжело порхали, прыгали по мусорным кучам, что-то клевали, отлетая подальше, когда к ним приближалась колонна.

Опасность миновала. Бородачи сбавили темп, а потом перешли на быстрый шаг, не позволяя пленникам окончательно расслабиться. Но для уцелевших и это было царской милостью. Они, как загнанные лошади, шли пошатываясь. Выжили только самые выносливые, остальных камуфлированные конвойные застрелили в пути, отчего колонна изрядно поредела.

Андрей чувствовал, что еще немного, и он упадет. В глазах уже все плыло, в легкие вонзились тысячи иголок, а на ногах повисли пудовые гири.

Выжил.

Повезло.

Он вздохнул. Повезло ли?

Что будет дальше? Не превратится ли его жизнь в такой кошмар, что он позавидует тем несчастным, трупы которых усеяли весь маршрут колонны?

Не приведи Господи!

В совершенном смятении он то и дело оглядывался на разбитый войной, чужой и в то же время знакомый город, чтобы сориентироваться. В привычной реальности этого пустыря не существовало. Здесь располагались земельные наделы горожан.

Липатов зрительно помнил, что на этом самом месте торчали небольшие дачные постройки – от замухрышних сарайчиков до вполне приличных домиков-игрушек, возведенных хозяйственными мужиками, знающими, как и куда правильно вбить гвоздь. На разделенных заборами участках росли плодоносящие кусты ягод, ранетки, черемуха, березки, рябинки. Сельская идиллия.

А здесь...

Но как же такое могло произойти? Как он попал в другую реальность?

Невозможно... Невозможно... Это сейчас закончится. Ведь не должно же быть так! Не бывает такого...

Проселочная дорога пошла на подъем. Пленных снова стали подгонять, заставляя в темпе преодолеть бугор, с которого дорога, перевалив вершушку, неспешно сбегала по пологому склону.

На той стороне метрах в ста расположились два бортовых грузовика и пара легковых УАЗов. Все четыре машины были без тентов.

Подойдя ближе, Андрей рассмотрел, что грузовики – это ГАЗ-53, почти исчезнувшие в его реальности. Облезлые, выцветшие кабины покрывали пятна ржавчины, кое-где чернели дырки то ли от пуль, то ли от осколков.

Оба газика были скособоченные, «убитые», что называется, и, похоже, доживали последние дни. Лобовые стекла потрескались, а у одного так и вовсе нижний левый угол был полностью залеплен изолентой, которая удерживала стеклянное крошево. На когда-то белых, а ныне пожелтевших «мордах» вместо круглых фар и желтых повторителей чернели провалы с виднеющимися цветными жилами проводки. Бамперы с крючками для буксировки были мятые, словно машины неоднократно во что-то врезались. Да, наверное, так оно и было.

Крашенные в защитный цвет узики представляли не лучшее зрелище. Разве что из кузовов грозно торчали станковые пулеметы НСВ «Утес». Такие Липатов видел в Чечне. Старые, но надежные.

Машины охраняли четверо автоматчиков.

Когда колонна подошла к автомобилям, бородачи затеяли громкий разговор на своем непонятном языке. Хотя и без перевода было ясно, что пришедшие обсуждают случившееся в пути, засаду, погибших товарищей и убитых пленников.

Конвойные славянской внешности держались несколько особняком, из чего Андрей сделал вывод: они здесь на положении бедных родственников. В банде всем заправляют бородачи – «чехи», как их по привычке обозначил Липатов. Чеченцы то есть. Впрочем, это вполне могли быть горцы иной национальности, дагестанцы например.

Кавказцы, в отличие от «славян», держались уверенно, развязно. Зло зыркали по сторонам. Особое внимание уделяли женщинам посимпатичнее, которые, на свою беду, попали в плен. Сальные взгляды, шаловливые улыбочки, причмокивания.

«Не повезло бабам, – отрешенно подумал Андрей. – Затрахуют до смерти, потом зарежут. Это в лучшем случае, а в худшем – превратят в бессловесных существ, забитых и затравленных».

У газика, который сохранился получше, со стуком откинули задний борт. Пленников окриками и тычками согнали к нему. Мужчин со связанными за спиной руками грубо закидывали в кузов. С женщинами обходились чуть мягче, хватали за ягодицы, груди, нагло ржали.

Одна из молодых женщин, боязливо прижимаясь к машине, робко попросила:

– Не надо, пожалуйста...

Но рыжебородый – тот, что ударил Липатова прикладом в грудь, по-хамски схватил ее, норовя залезть руками в интимные места, посадил женщину в кузов. После чего по-русски обратился к своему товарищу:

– Приедем, сразу трахну эту суку.

И посмотрел вызывающе на Андрея, понуро стоявшего рядом.

Липатов понял, что эта фраза предназначалась для его ушей. Вроде проверки на вшивость: промолчит или заступится за оскорбленную женщину?

– Че молчишь, свинья русский? – не выдержал рыжебородый, с прищуром глядя на Липатова. – Я твоих баб трахал и буду трахать. Потому что вы, русские, – свиньи.

«Ну и трахал бы тогда свиней, правоверный мусульманин», – подумал Андрей, но вслух, конечно же, ответить не осмелился.

Это только в кино безоружный герой вышел бы победителем в схватке с парой десятков автоматчиков. В жизни все не так.

Рыжебородый ухмыльнулся и пнул Липатова в живот. Удар оказался не болезненным, однако Андрей согнулся. Его сразу подхватили и забросили в кузов. Следом закинули двух последних пленников и со стуком закрыли задний борт, заскрежетав бортовыми задвижками.

Второй грузовик остался пустым.

«Не набрали в этот раз нужное количество рабов, – решил Андрей и тут же подумал: – Сколько же они вылавливают при каждом рейде, если гоняют две машины и при этом без жалости добивают отстающих? Или раз на раз не приходится?»

В кузове было тесно. Голова лежащего на боку Липатова оказалась на ноге той самой женщины. Невольно он отметил, что бедро у нее упругое...

Взревев двигателями, кортеж тронулся. Впереди шел УАЗ с кавказцами, за ним – пустой грузовик, следом – ГАЗ-53 с пленниками. Замыкал колонну уазик с бандитами в кузове.

Трясло изрядно. Водитель и не думал притормаживать на кочках и ухабинах. Автомобиль подсакивал на колдобинах, люди набивали себе синяки и шишки.

Проехали километров сорок. Дорога была разбита, путь занял не менее часа.

Конечной точкой маршрута стала деревня, выглядевшая заброшенной.

Потемневшие от времени избы с закрытыми ставнями, покосившиеся палисадники, буйно разросшиеся лебеда и чертополох выше взрослого человека.

Несколько облезших собак с истеричным лаем понеслись вслед за машинами, едва не бросаясь под колеса. Но потом отстали, еще брехая вслед, потерялись в клубящейся пыли – здесь, в отличие от города, дождя не было.

В мире Липатова на месте этой деревни располагался коттеджный поселок. Красивые кирпичные особняки, кованые решетки оград, а иногда высокие, глухие заборы. На каждом шагу видеокамеры, в гаражах дорогие машины. И тишина.

Мир, созданный богатыми людьми для своего круга, когда отовсюду веет властью, возможностями и деньгами.

Здесь тоже было безлюдно, но сирое и убогое. Ничего, кроме запустения, нищеты и безнадёги.

Остановилась процессия на противоположной от въезда стороне деревни. Пленникам приказали покинуть машину, развязали мужчинам руки.

Их завели в загон, огороженный обычными жердями. В подобных местах, как правило, держат лошадей или скот. В справедливости своего предположения Липатов убедился, когда повсюду увидел старый навоз и ощутил его неистребимый запах. Давно подсохшая грязь была сплошь истоптана копытами животных.

Женщин перед изгородью задержали, отделили трех, что помоложе, и увели. Среди них была та, на которую положил глаз рыжебородый. Он и пристроился за ней, не отрывая вожделенного взгляда. А она семенила торопливо, низко опустив голову. В осанке и движениях сквозил неподдельный страх...

Остальным пленницам приказали зайти за ограду вслед за мужчинами.

«Ну точно, сейчас этих девок по кругу пустят», – хмуро подумал Липатов и вздохнул, вспомнив презрительный взгляд боевика и его слова.

Подавленные пленники разбрелись по загону, каждый переживал личную трагедию и искал уединения.

Усевшись на слой прелой соломы, скопившейся в уголке загона, Андрей осмотрелся. Удалось увидеть несколько полуразрушенных коровников с просевшими крышами, с давно потемневшей побелкой, со сломанными распахнутыми воротами, ведущими в темное нутро; у одного из коровников громоздились остовы растащенной на запчасти техники.

Андрей, привыкший к тому, что подобный металлолом практически сразу увозят в пункты приема, удивился обилию ржавеющих без надобности денег. Даже прикинул, на какую сумму могли бы «потянуть» тяжеленные станины от тракторов, сеялок и старый-престарый, годов сороковых, ржавый токарный станок.

За коровниками одиноко торчала водонапорная башня. Вот и весь пейзаж.

Липатов снова впал в рефлексию, раздумывая, что же с ним произошло, где он оказался и каким образом.

На телеканалах нередко показывают псевдонаучные передачи о схожих явлениях. Липатов поначалу смотрел их, однако они быстро набили оскомину. Но чтобы такое произошло в действительности... Невероятно. И тем не менее – факт.

Значит, все же существуют параллельные реальности, где все не так, где живут другие люди – самые настоящие люди – и не подозревают о том, что есть иные миры.

Сколько же их, таких реальностей, и какая из них основная? Или такой нет? Интересно, его реальность – «самая главная» или есть какая-то «главнее»?

Почему выпавшие на его долю приключения столь негативны? Нет бы попасть в какое-нибудь сказочное королевство с воздушными замками, с рыцарскими турнирами, там стать принцем, влюбить в себя красавицу принцессу...

От невеселой самоиронии отвлекли появившиеся бородачи. Другие, но тоже в камуфляже. Пятеро, у всех «калаши».

Не торопясь, по-хозяйски зашли в загон, принялись осматривать пленников. Один из вошедших – низкорослый, широкоплечий, заросший черной бородой – вытащил нож из ножен, закрепленных с правой стороны на разгрузке.

Душа Липатова заметалась в паническом страхе. Не в силах оторвать взгляда от боевика с ножом, Андрей смотрел, как тот выбирает жертву.

Однако бородач не собирался никого резать. Он присел на корточки перед первым на его пути пленником и по-доброму, заботливо произнес:

– Открой рот, дорогой.

– Зачем? – испуганно спросил пленник, невольно отодвигаясь.

– Зубы золотые есть?

– Нет...

– Открой. Я посмотрю, – все так же вежливо попросил чернобородый.

Пленный разинул рот так, что, казалось, можно было засунуть в него кулак.

– Ай, мужчина! – одобрительно засмеялся бородач.

Стоящие за его спиной боевики презрительно улыбались.

– Вижу-вижу, – продолжал чернобородый и разрешил милостиво: – Ладно, закрывай.

Пленник закрыл рот и преданно выпучился на боевика, а тот снисходительно похлопал его ладонью по щеке и перешел к следующему.

У второго ничего ценного во рту тоже не нашлось. А вот третий заартачился, напрягся, едва кавказцы к нему приблизились.

Почувяв добычу, низкорослый не торопясь закурил, присел перед пленником на корточки, несколько секунд смотрел с прищуром, а потом спросил:

– Сам отдашь или помочь?

Пленник, крепко стиснув челюсти, отчаянно замотал лобастой, с большими залысинами, головой, блестящей от пота.

– Я так и думал, – покладисто согласился боевик, пустил в лицо человеку струйку дыма и обернулся к спутникам.

Его приятели обступили жертву, завалили на спину, удерживая руки и ноги. Чернобородый закусил зубами дымящуюся папиросину, придавил грудь мужика коленом, лезвием оттопырил нижнюю губу несчастного и от неожиданности крикнул:

– Да тут как в ювелирной лавке!

Дальнейшее Липатов видел плохо из-за боевиков, окруживших несчастного. Чернобородый активно орудовал ножом, пленник утробно выл, надрывно кашлял и дергался, как мог.

Ужасная экзекуция продолжалась минут пятнадцать. Наконец несчастного отпустили, и тот сразу же свернулся в клубок. Его била крупная дрожь.

Один из боевиков спросил чернобородого:

– Сколько, Ильяс?

– Двенадцать, Юсуф, – ответил тот довольно. – Хороший кяфир⁴ попался. – Подцепил острием ножа из окровавленной ладони одну коронку и придирчиво осмотрел ее.

Удовлетворившись увиденным, весело подмигнул поделщикам и выплюнул папиросину.

Через эту унижительную процедуру прошли все пленники, не исключая женщин. Золота во рту и других украшений больше ни у кого не нашлось.

Липатов, сидевший в сторонке ото всех, тоже открыл рот, когда к нему подошли. Однако бородачи не спешили уходить. Они пристально смотрели на Андрея. Затем чернобородый произнес:

– Мажор. Ты будешь Мажор. И приказал: – Снимай одежду и эти... как их... кроссовки тоже снимай.

Липатов беспрекословно разулся, разделся, сложил аккуратно джинсы, футболку и безрукавку с кармашками, протянул стопочку одежды и обувь низкорослому. Тот взял.

Когда боевики покинули загон, их место занял мужик славянской внешности, лет пятидесяти, худой и сутулый, с лицом, побитым оспинами.

– Слушайте все сюда, – начал он без предисловий, обращаясь к пленникам. – Ваш хозяин – большой и уважаемый человек. Зовут его Магомед, но если вдруг он захочет говорить с вами, то вы должны обращаться к нему – Хаким-бей⁵. Это значит – уважаемый господин. При этом вы должны кланяться. Тот, кто забудет, получит двадцать ударов палкой и на сутки останется без еды.

Я староста, поставленный Хаким-беем над всеми вами. Зовут меня Никодимов. Слово Хаким-бея и других уважаемых людей, что оказывают вам честь, охраняя вас, – закон. Мое – тоже. За любое непослушание хозяевам или мне – тридцать ударов палкой и двое суток без еды. Никаких скидок на пол и возраст. Запомните это сразу. Повторять больше никто не станет.

Вы будете работать. Много работать. Даже не пытайтесь бежать. Это невозможно. За попытку побега – смерть. Это все.

Никодимов ушел.

«Вот это влип, так влип! – в отчаянии подумал Липатов. – Рабство. То, чего я так боялся...»

Он обхватил голову ладонями и застонал сквозь стиснутые до боли зубы.

Примерно через час бородачи появились снова.

Ильяс кинул Липатову грязный, провонявший потом комбинезон. Следом полетела пара стоптанных кирзовых сапог с торчащими в голенищах портянками. Они были серыми от грязи и воняли еще сильнее, чем комбез.

Преодолевая отвращение, Андрей оделся, намотал портянки, отрешенно думая о том, что не забыл, как это делается, хоть с армии и прошло немало лет, и вогнал ноги в жесткие кирзачи.

⁴ Кяфир – неверный.

⁵ С турецкого «хаким» переводится как «судья», а «бей» – это уважительное обращение, как в европейском «господин».

Его и остальных пленников вывели за пределы изгороди и повели мимо старых коровников.

Шли недолго.

По дороге выяснилось, что бывшая ферма окружена настоящими фортификационными сооружениями. Здесь были и траншеи, и ряды ржавой колючей проволоки. Она держалась на «ежах» – сваренных электросваркой кусках швеллера. Имелись дозорные вышки и три дзота⁶. Может, их было больше, но Липатов сумел разглядеть только эти сооружения. Сделаны они были добротнo, по всем правилам фортификации.

На окраине большой фермы копошились люди. Одни копали траншеи, другие таскали различные материалы, доски, ведра с раствором. На первый взгляд все выглядело мирно: бригада шабашников подрядилась поработать в совхозе... Если бы не застывшие по периметру угрюмые бородачи с «калашниковыми» наперевес.

Новичков распределили по участкам. Мужчинам досталось копать траншеи. Им вручили штыковые лопаты и выделили фронт работ. Женщин отправили разматывать большие мотки колючей проволоки и растаскивать ее между установленными «ежами».

У Липатова к середине дня стали саднить ладони – верный признак натертых мозолей, которые непременно появляются на непривычных к такой работе руках, еще и не защищенных перчатками или рукавицами.

Все мысли были только об одном: он угодил в рабство. И где?! В параллельном мире, в существование которого мало кто верит!

Судьба, забросившая его в Чечню, обошлась с ним милостиво – он вернулся домой живой и здоровый. Фортуна и дальше продолжала улыбаться ему, у него было почти все, чего он хотел. Почти – потому что человеку всегда чего-то не хватает. Но в целом Андрей был очень доволен жизнью.

И вот на тебе...

Фортуна отвернулась от любимчика. Наверное, ей надоело быть с тем, кто воспринимает ее как данность, как само собой разумеющееся приложение.

Женщины – они такие капризные...

⁶ Дзот – от первых букв слов: дерево-земляная огневая точка.

11

Перерывов на отдых или кормежку не было. Только раз принесли в бачке теплую воду и одну алюминиевую кружку на всех. Пока до Андрея дошла очередь, кружка уже скребла по дну, и он боялся, что ему не хватит воды.

Хватило. Половину кружки.

Вода пахла тиной и была с песком, хрустевшим на зубах.

Когда почти стемнело, поступил приказ закончить работу.

Пленников построили в колонну по двое и отвели в один из коровников с целыми воротами, у которых маялся бородатый часовой. Он приоткрыл створку, пропуская невольников, и сразу же закрыл ее за последним вошедшим.

В помещении женщины удалились в свой закуток – там горела лампочка, мужчины заняли освещенный неярким светом угол. Здесь валялось всякое тряпье и старая солома, лежали настилы из досок, приспособленных под лежаки.

Прибывшая партия рабов не была единственной. В закутке уже находились другие люди. Андрей подумал, что они работали на другом объекте и их привели несколько раньше.

Мужчин набралось человек сорок. Все разного возраста – от совсем молодых, лет шестнадцати, до зрелых, почти пенсионеров. Невольники устало перебрасывались малозначительными фразами. В коровнике, где вместо буренок содержали людей, как скот, правили бал унылость и безнадега.

Сколько было женщин, Андрей не смог бы сказать наверняка. Но, наверное, не меньше, чем мужчин. На стройке их работало человек двадцать плюс те, кого привели раньше.

Липатов посмотрел, кто и где расположился на отдых, а после, в компании других новичков, направился по едва освещенному лампочками помещению искать себе «постель». Ему удалось выломать несколько досок и набрать немного соломы. Весьма сомнительные удобства, но все лучше холодного, тянущего сыростью пола.

Принесли ужин.

К мужскому закутку подошли четверо боевиков. У каждого в руке было десятилитровое оцинкованное ведро.

Пленники с чашками и ложками выстроились в очередь перед ведрами, новенькие – в хвосте каждой из четырех стихийно образовавшихся колонн. Им выдали дюралевые миски и ложки.

Липатов получил свою порцию: полбуханки черного хлеба и жидкую, едва соленую похлебку с непроваренной перловкой на дне.

Отойдя в сторонку, Андрей жадно набросился на еду. Он не ел сутки, да еще вымотался на этой треклятой работе. Жижа закончилась быстро, а хлеб еще оставался. Липатов заметил, как другие подходят за добавкой, и решил последовать их примеру.

Молодой боевик с едва пробившейся бородкой на вполне приятном лице – такие нравятся женщинам – насмешливо произнес:

– Рюсский, ты Мажор, да? Проголодался? Хавай-хавай. Кто хорошо ест, тот хорошо работает. Рюсские должны много работать.

12

Ужин закончился. Бородачи ушли. Все начали укладываться на своих местах. Стояла гнетущая тишина, изредка нарушаемая тяжелыми вздохами, покашливанием, поскрипыванием досок.

Кто-то выкрутил лампочку. Темнота поглотила этот угол коровника. В закутке женщин свет тоже погас. Осталось лишь слабое дежурное освещение.

Свернувшись калачиком, Липатов, едва не плача, вспоминал вчерашний вечер. Ничто не предвещало подобной развязки. Прекрасное настроение, отличная машина, адреналин от предстоящей гонки...

ТАМ его наверняка уже потеряли. Сообщили родителям. Мать точно испереживалась вся, а ей волноваться нельзя: давление. Отец хорохорится, скрывает свои болячки, все переносит на ногах, но и ему волноваться вредно: сердечко шалит.

Тоха, поди, с ног сбился. Ни машины, ни друга. Если бы только знал, куда угодил его товарищ! Интересно, как там Ленка? Вспоминает о нем или нет?

Андрей вдруг подумал, что сейчас она вполне может быть в ночном клубе с мэрским сынком, а то и...

От волнения он заворочался на жестком ложе.

Господи! Ну за что ему все это? За что?

А может, на самом деле здесь находится вовсе не он, настоящий, а его матрица, которую неизвестные кудесники поместили в клонированное тело? Почти как в увиденном несколько лет назад «Шестом дне» со Шварценеггером в главной роли.

Сам же Липатов, выиграв заезд, предается утехам со сладкой в постели Ленкой.

Или тот Андрей – клон, а настоящий находится здесь, жестоко страдая в рабстве?

Чушь! Господи, какая чушь!

Сон все не шел. В животе урчало от баланды. Пузо вроде полное, но сытости нет. Да и откуда этому чувству взяться – одна вода да хлеб?! На такой жратве да при такой работе долго не протянуть.

Болели намозоленные ладони. Кожа в этих местах побелела, под ней скопилась жидкость. Чуть-чуть надорвешь – она выступит, а кожа отслоится. Как лопату завтра держать?

Тело ныло от непривычно тяжелой работы, душа болела от безысходности: за что, за что, за что?..

Над ухом назойливо зудели жаждущие крови комары. В углу, попискивая, шебуршали голодные крысы.

Вонючая ткань тонкого комбинезона не грела совершенно. Ноги в кирзачах уже давно гудели, но, если сапоги снять, станет совсем холодно...

За что?.. Почему?.. Почему?..

13

– Подъем!

Громкий крик вырвал Липатова из тяжелой дремы. Он всю ночь проворочался, отлежал бока, извел душу переживаниями. Погружался в поверхностный сон, просыпался, вновь забывался в дремоте, опять просыпался от холода – ночью в коровнике совсем похолодало. Только под утро сумел кое-как уснуть.

Никому повторять приказ дважды не пришлось. Пленные начали подниматься. Хмурые, помятые, всклоченные. Они зевали, выдыхали несвежий запах, хрустели суставами, что-то бубнили под нос, терли глаза, почесывались, кашляли, кряхтели...

Впрочем, никто не рассиживался. Нестройной толпой потянулись на улицу. Пятнадцать минут на оправку в соседнем коровнике. Женщины в один угол, мужчины – в другой.

Там стоял тяжелый дух и повсюду виднелись следы жизнедеятельности человека. Выбрав место посвободнее, тревожно озираясь: не видят ли женщины, не обращая внимания на соседей, Липатов сделал свои дела и поскорее покинул это место.

На улице невольников построили и разделили на две команды.

Теперь Андрей попал на сельхозработы. Их партию вывели на засаженное картофелем поле, начинавшееся сразу за фермой. Часть угодий оказалась уже убрана, но оставшаяся была куда больше.

Липатову и еще нескольким мужикам вручили вилы. К каждому в пару встал кто-то из пленников с ведрами. Те, что были с вилами, подкапывали кусты, выворачивая землю с клубнями. Напарники разгребали ямки, выискивая картофелины, собирали их в ведра, а потом сносили в одну большую кучу.

Андрей оказался в паре с парнем, которого он заприметил еще вчера на стройке.

Охрана не запрещала рабам переговариваться. Улучив подходящий момент, Андрей спросил напарника:

– Тебя как зовут?

– Илья.

– А меня – Андрей. Будем знакомы.

– Ага, будем.

– Давно здесь?

– Больше месяца.

– Слушай, Илья, какой сейчас год?

Парень все это время разговаривал, не поднимая головы, но тут с подозрением глянул снизу вверх. Молча подхватил полное ведро, отнес к куче, аккуратно высыпал и вернулся обратно. Так же молча принялся заполнять ведро картошкой.

– Чего молчишь-то? – не выдержал Липатов.

– А то ты не знаешь, какой год, – недовольно пробурчал напарник.

– Контузия у меня была, – нашелся Андрей.

– Воевал?

Липатов мысленно отметил, что был прав в своих подозрениях насчет случившейся войны, но развивать эту тему с новым знакомым не стал.

– Не, под обстрел попал. С тех пор провалы в памяти.

– Понятно, – кивнул тот. Очевидно, объяснение его удовлетворило. – Две тыщи двенадцатый на дворе.

– А кто сейчас президент? – задал очередной вопрос Андрей, попутно вспомнив лозунги на стене пятиэтажки про съезд и пятилетку.

– Где, в Америке? – уточнил собеседник.

– Почему в Америке? В России.

Илья удивленно хекнул:

– Да-а! Здорово тебя приложило!

Андрей смущенно пожал плечами. Дескать, что было, то было. Чего отпираться?

Парнишка продолжил:

– Какой президент? В Советском Союзе их отродясь не было. Есть Генеральный секретарь ЦК КПСС. Правда, сейчас ситуация сложная.

– А с кем война? – продолжил любопытствовать Андрей, надеясь выжать из собеседника максимум полезной информации.

– Слушай, дружище, – не выдержал Илья, – на тебя вредно влияют эти вилы. Дай-ка их мне, а сам пособирай картошечку и поноси.

Липатов беспрекословно подчинился.

– Я правда не помню, – виновато вымолвил он.

Парень снисходительно усмехнулся:

– Ладно, че ты? Верю. При контузии и не такое бывает. Для начала тебе надо знать, что попал ты к Магомеду Магомедову. Свои его называют Мага, а нам положено обращаться к нему Хаким-бей, еще и кланяться при этом. Да вас, новеньких, Никодимов, должно быть, уже просветил.

– Да, – кивнул Андрей.

– Но вряд ли он вам говорил, что Мага раньше служил прапорщиком в желдорбате, а когда началась война, дезертировал, сколотил свою банду, в основном из земляков, но есть и русские. Однако «мазу держат» дагестанцы. Это и понятно: их больше, во главе сородич. Они захватили земли заброшенного совхоза, строят тут укрепрайон и заодно продают урожай в город. Мы – их рабы. Такие, брат, дела.

– Откуда знаешь про Магу?

– Был тут один. Говорил, служили они вместе. Потом его забрали и увели. Больше я этого мужика не видел.

– А война с кем?

– Войны сейчас нет. Больше года как заключили перемирие.

– Кто с кем воевал-то? – гнул свою линию Липатов.

– Ты что, и впрямь не помнишь?

– Говорю же – нет, – вздохнул Андрей.

– Андропова хоть помнишь?

– Который Юрий Владимирович? – уточнил Липатов.

Илья кивнул.

– Конечно, помню, – осторожно подтвердил Андрей.

– Его все помнят, – вздохнул Илья. – При нем порядок был. А как помер он в конце девяностого, так и начался этот бардак. Не сразу, правда. После него был Черненко. Его помнишь?

– Да.

– При нем-то все и началось. Хотя он, по сути, и ни при чем был – живой труп. Без бригады реаниматологов ни шагу. Остальные Черненко прикрывались и вертели, как им заблагорассудится. За десять с лишним лет его «правления» бардак разросся до невиданных пределов. А как в две тысячи первом Черненко помер, так вообще началось невообразимое.

– А что началось? – спросил Андрей.

Он вернулся с пустым ведром и стал наполнять его снова.

Илья многозначительно посмотрел на Липатова.

– Ну правда не помню, – виновато сказал Андрей. – Сколько тебе повторять?

– Двоевластие. Верховный Совет раскололся на два лагеря.

Парнишке, похоже, было не впервой проводить политинформации, и он шпарил тщательно подготовленными предложениями.

– Этому в значительной мере способствовал начавшийся еще при Черненко парад суверенитетов под лозунгом «Больше власти местному самоуправлению». Чуть ли не каждая из областей тянула одеяло на себя. Некоторые регионы и раньше были донорами, а тогда из них начали выжимать последние соки. Тамошние руководители встали на дыбы и заговорили об отделении от Москвы. Другие области оставались дотационными, они приняли сторону центра. – Рассказчик замер и после секундной паузы спросил: – Это помнишь?

– В общих чертах, – ответил Андрей, впитывая, как губка, незнакомую информацию, стараясь по возможности скрыть обуревавшее чувство: «Вот попал, а!»

– Ну вот, эти десять с лишним лет и коробит страну вместе со всем народом. Одни за Блок Регионов, во главе которого Даниловский Петр Нилович. Он удерживает совсем отдаленные от Москвы территории. Другие за федеральную власть, то бишь за Центр. Там руководит Шелепин Станислав Аркадьевич.

А четыре года назад началась гражданская война. Кровь лилась рекой, столько народу полегло, особенно мирного населения... Чуть более года, как заключили перемирие.

– А мы сейчас на чьей земле? – спросил Андрей.

– Мы? – усмехнулся Илья и, тяжело вздохнув, пояснил: – Есть еще так называемые ничейные территории. Они не подчиняются вообще никому. Ни у Центра, ни у Блока Регионов нет сил, чтобы навести порядок в таких районах. В них заправляют местные «бароны» типа Маги и ему подобных, которые постоянно воюют между собой.

– Так вот почему мы строим укрепрайон! – догадался Липатов.

– Восстановил я твою память? Вспомнил теперь, на какой мы земле?

– Да, спасибо. А то у меня и впрямь провал после контузии.

– Так за кого ты все же воевал, а? – недобро прищурился Илья.

– А ты? – парировал Липатов.

– За кого надо, – процедил парень.

– А я не воевал. Правда, – ответил примирительно Андрей.

– Ну-ну. Не воевал так не воевал, – хмыкнул напарник. – Давай тащи ведро. А то нарвемся на наказание. Без еды оставят, да еще палок получим.

Андрей торопливо подхватил дужку, чувствуя, что ведро становится все тяжелее, а до конца светового дня еще ой как далеко. И нет никакой надежды на спасение...

14

Прошло семь дней.

Пленники вкалывали на износ. Работа чередовалась каждый день – стройка, поле. На скудной кормежке Липатов здорово похудел. Комбинезон с чужого плеча, вначале сидевший как влитой, теперь свободно болтался. Андрею даже пришлось подвязывать проволочной штаны, дабы избавиться от ощущения, что они вот-вот спадут.

Он уже притерпелся к провонявшей заскорузлой одежде и таким же портянкам, перестал обращать внимание на щетину, покрывшую прежде всегда гладко выбритый подбородок, и стойчески терпел траурную кайму под отросшими ногтями на руках.

Тяжело переносилось постоянное чувство голода из-за одноразовой вечерней кормежки. В глазах уже частенько «плыло», хотелось лечь и не вставать, уснуть и проснуться дома, в своем мире.

Но каждое утро раз за разом звучала безжалостная команда: «Подъем!»

А потом весь день тяжелая без перерывов пахота.

Картофельное поле никак не заканчивалось. Приходя на него через день, Липатов сравнивал, сколько убрала его «бригада» и сколько вторая. Получалось примерно поровну – филонить надсмотрщики не позволяли. Всю неделю погода стояла отличная – самое то для уборки урожая. Только никакого удовлетворения это не приносило. Оно и понятно.

Строительство укрепрайона тоже продвигалось, но работы оставалось еще немало. При этом Андрею не давали покоя мысли о том, что со всеми пленниками будет дальше, когда в конце концов закончится это чертово поле и завершатся работы на укрепрайоне. Наверняка найдут еще какую-нибудь работенку. На то и рабы, чтобы работать.

Раб...

Эта мысль была невыносимой. Он – раб. И где?! В чужой реальности, способ возвращения из которой ему неизвестен. Нет, не верится в возможность подобного. Тем не менее он здесь и он – раб.

А ведь есть совсем другой мир. Его мир. Где иная жизнь, где родители, друзья, работа, квартира, Ленка... Не думать, не думать об этом, иначе становится невмочь. От отчаяния хочется орать, выть, биться головой о стену. Но нельзя. Нельзя.

Надо держаться и думать, как бежать. Иначе он загнется от недоедания и тяжелой пахоты. Тех, кто стал бесполезным, пристреливают на глазах у остальных без всякой жалости: рабов достаточно – каждый день привозят новеньких. Конвейер работает без сбоев. Люди влачат жалкое существование под постоянной угрозой оказаться у последней черты.

Трупы бандиты утаскивают.

Андрей успел сориентироваться и понять, что на территории бывшей фермы, а ныне почти достроенного укрепрайона есть один хорошо отремонтированный коровник, вокруг которого круглосуточно стоит усиленная охрана. Туда и стаскивают мертвецов. И именно оттуда порой доносятся таинственные и от этого пугающие звуки: то ли воеет кто-то, то ли рычит. Хотелось бы сказать: по-звериному, но не похожи эти звуки на голоса зверей. Во всяком случае, на известных Андрею зверей.

Но кого-то же там держат? Кому-то же таскают трупы, судя по всему – на съедение. Иной вариант в голову Липатову не приходил.

Но что за твари питаются мертвецами и зачем они, собственно, понадобились Маге и его приспешникам?

От этих вопросов без ответов становилось жутко. Думать о них не хотелось, но мысли упрямо возвращались к таинственным звукам, а слух то и дело улавливал что-то странное.

15

Мага, или, как к нему обращались все пленные, Хаким-бей, оказался человеком высоким, сильным, с хорошей выправкой военного. От всей его фигуры веяло властью и непререкаемым авторитетом. Недаром Магу побаивались все, без исключения, бандиты. Что уж говорить о пленниках – тут спина без напоминания гнулась, если вдруг Магомед соизволял заговорить с кем-нибудь из своих рабов. Такое порой случалось. Но все разговоры сводились к одному: нравится ли здесь пленным, не обижает ли их кто, есть ли какие-то пожелания или требования?

Подобная издевка многими переносилась легко – лишь бы не били, не оставляли без еды. Однако некоторые пленные смирялись только для вида. Это ничуть не волновало прощательного Хаким-бея. Он спокойно смотрел на такого раба, и его светло-голубые глаза говорили о непреклонной воле, а безбородое и безусое лицо, так несвойственное стереотипному облику боевика, оставалось каменным и надменным.

За прошедшую неделю на ферму дважды приезжали неизвестные – военные и гражданские. Они в сопровождении Маги проходили в ангар и находились там подолгу.

Все это Андрей подмечал, работая на стройке.

Он твердо решил бежать. Будь что будет. Его даже не испугала участь Ильи. Тот бежал с поля, воспользовавшись тем, что бородачи отвлеклись на выскочившего из леса зайца. В ушастого тут же полетели картофелины, раздались громкие посвисты, улюлюканье. Охранники скучали и были рады любому развлечению.

Липатов в тот день работал в паре с другим невольником. Рабам не полагалось отвлекаться, они продолжали монотонно работать, в то время как Илья отнес полное ведро и скрылся за большой картофельной кучей, а потом скользнул в кусты, растущие по краю поля...

Хватились его быстро. Охранники увидели, как оставшийся в одиночестве напарник беглеца сам подкапывает кусты и собирает картошку. Напарника жестоко избили за то, что он сразу не донес о побеге.

Женщины, работавшие в поле, боязливо отвернулись, лишь бы не видеть жестокой экзекуции. Немногие мужчины нашли в себе силы смотреть, как несчастного бьют – безжалостно, не просто с целью наказания, а с твердым намерением убить.

Утробные выкрики и стоны прекратились быстро. Жертва замолчала. И лишь прерывистое, редкое дыхание свидетельствовало о едва теплившейся жизни в измочаленном, истоптанном теле, которому очень больно.

Несчастливого закололи вилами и быстро организовали погоню. Однако поймать Илью смогли только к вечеру.

Всех рабов построили. Беглеца выволокли и привязали к столбу, служившему опорой для небольшого навеса перед входом в коровник.

Раздетого до пояса Илью били палками двое мускулистых бородачей. Били долго. Парень уже давно не кричал, потеряв сознание, а палачи продолжали свое дело, обрушивая палки на окровавленное тело беглеца.

Утром Андрей вышел из коровника одним из первых и заметил, как от привязанного к столбу мертвого тела метнулись в стороны несколько здоровенных крыс. А к вечеру, когда невольники вернулись с работ, останков Ильи уже не было. Лишь столб с засохшими потеками крови оставался предостережением: бежать бессмысленно, смерть будет мучительной и нескорой.

Работая весь день в поле, Липатов примерялся к ситуации, как бы он ушел в побег, что бы сделал. Его сотрясал озноб от охвативших эмоций: бежать! Пока есть силы, надо бежать.

Однако и этот день прошел, как и предыдущие. Ни на что Андрей так и не решился. И все же мысль о побеге прочно овладела сознанием. Нужен лишь шанс, пусть самый незначительный, а решимости, несмотря на постоянный страх за свою жизнь, ему хватит.

Ночью Липатов проснулся от мучительного желания сходить в туалет. Какое-то время лежал в раздумье: вставать – не вставать. Потом решил: мочевого пузырь не резиновый.

Который был час, Андрей понятия не имел. В небольшое прямоугольное окошечко под потолком заглядывала темнота. Поэтому у Липатова была слабая надежда прихватить еще часок-другой сна.

Он направился в отдаленный угол коровника. По какому-то молчаливому, без всякого обсуждения, согласию пленники – и мужчины, и женщины – устроили там отхожее место на случай, если кому-то приспичит ночью.

Пробираясь почти ощупью, Андрей вдруг услышал приглушенный мужской голос:

– Давай, да...

Ему отвечал другой, неуверенный, тихий:

– Нет... Не надо... Я не хочу... Зачем так со мной?..

Первый настаивал, от волнения срываясь на хрип:

– Давай, да...

От неожиданности Липатов едва не упал, запнувшись. Умудрился сохранить равновесие, забыв, зачем, собственно, шел.

Он неслышно подобрался к одному из многочисленных столбов, подпирающих крышу, и отсюда увидел пару силуэтов. Приглядевшись, узнал старого Ахмеда – одного из охранников, а вторым оказался тот самый парень, с которым ему пришлось бок о бок покидать город.

Уж чего-чего, а этого Андрей никак не ожидал. Он думал, что увидит кого-то из пленников – мужчину и женщину, а тут...

Меж тем Ахмед проявлял активность, уговаривая паренька, а тот отнекивался, но все слабее, неувереннее. И вот старый кавказец, тяжело сопя, расстегнул ширинку, обхватил двумя руками голову паренька, стоявшего перед ним на коленях. Послышалась короткая возня, удовлетворенный стон Ахмеда и рвотные спазмы паренька.

– В сторону травы, шакал! – возмущенно зашипел бородач. – Штаны мне испачкаешь, да! Все... Иди сюда!

– Я не буду...

– Сюда, я сказал... Вот так... А-а-а...

Липатову стало настолько противно, что его самого едва не вывернуло. Он незамеченным вернулся, так и не сделав своего дела, и до утра уснуть уже не смог. Сердце бешено колотилось от осознания собственного бесправного положения, отвращения... Буря эмоций захлестывала Андрея, ему казалось, что он до сих пор слышит сладострастные стоны Ахмеда. Не уходила назойливая мысль: «Вот оно как... Вот оно как...»

Утром, на подъеме, паренька недосчитались. Охранники кинулись его искать и нашли повесившимся на старой электропроводке неподалеку от того самого отхожего места.

Труп убрали. Староста Никодим лишь покачал головой и не стал устраивать расспросы.

Андрей исподтишка следил за Ахмедом, но тот вел себя как обычно. Ничто не указывало на его причастность к самоубийству пленного, не выдержавшего издевательств.

Весь день, работая на стройке, Липатов не мог избавиться от видений прошедшей ночи. В конце концов решил: да сколько же можно, хватит! Этому парню уже ничем не помочь. Он даже не знал, как звали самоубийцу, да, признаться, ему не было никакого дела до этого. Тут каждый сам за себя.

Вечером, после ужина, произошло то, чего Андрей и предположить не мог. Ахмед, глядя на него многозначительно, вполголоса произнес:

– Иди за мной, Мажор.

Липатов от неожиданности вздрогнул и тут же заметил, как насмешливо посмотрели на него бородачи, принесшие ужин. Он почувствовал, что лицо горит краской стыда, все его нутро наполнилось возмущением: «Что??? Мне!!! Мне предложили такое!!! Ах ты тварь черножопая!!!»

И все же он послушно последовал за пожилым костлявым кавказцем, уверенно вышагивающим кривыми короткими ногами, и вышел с ним на улицу. В душе зажглась слабая искорка: может, ему не придется выслушивать гнусные предложения, может, ему поручат какую-то работу?

Однако Ахмед развеял эту робкую надежду. Он сразу взял быка за рога:

– Мажор, хочешь жить хорошо, да? Хочешь кушать нормальную еду, а не эту баланду, да? Хочешь легкую работу?

– Конечно, хочу, Ахмед.

Липатов решил не показывать, что понимает, о чем речь, что ему известно о событиях прошедшей ночи: не ясно, как отреагирует этот черножопый сладострастник. Изобьет еще, чего доброго, а то и вообще грохнет в порыве злости. Ему за это ничего не будет. Никто не станет разбираться, почему охранник избил или лишил жизни раба. Значит, так надо, значит, за дело.

Но самое главное – у Андрея мгновенно, сам собой сложился план. Он сразу же почувствовал себя увереннее, хотя и приложил немало усилий, чтобы скрыть свои чувства. Однако краска стыда на лице горела, что на Ахмеда произвело возбуждающее воздействие.

Кавказец задышал чаще, придвинулся. Липатов держался изо всех сил, чтобы не отпрянуть и сыграть роль как можно более правдиво.

– Молодец, Мажор, – с хрипотцой произнес бородач. – Ты умный, да. Понимаешь, что к чему. Я тебе помогу, а ты отсоси у меня, да? Согласен?

– Только никому не говори, Ахмед.

– Что ты, дорогой! Зачем я кому-то скажу?! Только ты и я. Никто не узнает. А я тебе помогу, да. Сегодня ночью я приду к тебе.

– Я сейчас хочу, Ахмед.

Сказав это, Андрей будто прыгнул в пропасть. Все, теперь обратного пути нет: или пан, или пропал. Ждать ночи нельзя. Из охраняемого коровника потом не выйти.

– Ай шайтан! Какой нетерпеливый, да! – удивленно воскликнул кавказец. – Пойдем, да!

Ахмед направился назад, в коровник.

– Нет, пойдем туда, – Липатов кивнул в сторону, где велись строительные работы.

– Зачем туда, да? – подозрительно прищурился бородач.

– Там точно никто не увидит.

Кавказец колебался. Однако страсть завладела им прочно.

– Пошли, – согласился он.

«Только бы никто не увидел, что мы пошли туда», – взволнованно думал Андрей.

Не получилось. Их увидели. Вслед понеслись хохотки, причмокивания.

«Черт... ну ладно, лишь бы подсматривать не полезли...»

Они зашли за штабель досок.

– Давай здесь, да! – произнес нетерпеливо Ахмед и задышал тяжело, часто.

Он отставил автомат в сторону и расстегнул ширинку.

Андрей опустил перед ним на колени.

Бородач совсем потерял контроль над собой и глухо простонал:

– Давай, да...

– На! – зло выдохнул Липатов и изо всей силы врезал кавказцу кулаком в пах.

Ахмед выпучил глаза, мученически скривился и согнулся пополам.

Вскочив, Андрей нанес ему рубящий удар в шею. Бородач ничком рухнул на землю, а Липатов схватил автомат и ударил в голову врага прикладом.

Сколько он бил, Андрей не смог бы сказать точно, но замер, лишь когда, словно в тумане, увидел свои сапоги, уделанные чужой кровью и сгустками мозга.

подавив рвотный спазм, Липатов отступил на несколько шагов, не отрывая взгляда от почти безголового трупа. Потом прыгнул в траншею и побежал по ней, ожидая погони, криков, стрельбы. Однако всё было тихо. Уже почти стемнело, на укрепленной ферме вспыхнули прожекторы, горя все ярче и ярче.

Андрей выбрался из траншеи, ползком пробрался под еще не закрепленной надлежащим образом колючей проволокой, попал в заросли крапивы, не обратив на это ни малейшего внимания. Через десяток метров оказался на краю огромного, не полностью убранного картофельного поля. Сюда свет прожекторов не попадал, но Липатов продолжал ползти, пока не добрался до кустарника. Здесь он подскочил с холодной земли и опрометью бросился в лес, почти ничего не видя в сгущающейся темноте.

Пришло понимание, что в такой темноте никто преследовать его не станет. Поэтому надо использовать ночь, чтобы уйти как можно дальше. Неважно куда. Главное – подальше отсюда. От рабства, от проклятых бородачей, от безысходности, от тяжелой, выматывающей все силы работы, от понимания, что ничего, кроме смерти, там нет.

Вскоре со стороны фермы донеслись звуки нескольких одиночных выстрелов.

16

В отличие от военных строителей, солдатам железнодорожных войск автоматы выдавались не только в день принятия присяги. Это старшему прапорщику Магомедову пригрозилось, когда он, насмотревшись на воцарившуюся кругом анархию, принял главное в своей жизни решение – дезертировать из армии.

Несколько лет назад Мага даже помыслить не мог о таком шаге: армия сделала из него, уроженца отдаленного дагестанского аула, уважаемого человека – одела, обула, накормила досыта, дала образование.

Старики-родители нарадоваться не могли успехам сына. Гордились, когда получали благодарственные письма от командира части. Хвастались перед соседями почетными грамотами Магомеда, хвалебными заметками в окружной газете.

Но времена изменились. Началась война. Разумеется, вслух ее так не называли, говорили, что это вооруженный конфликт, недоразумение.

Армия встала на перепутье. Кто-то подался в сторону Блока Регионов (особенно те, у кого родственники проживали на территории, по которой паровым катком прокатились боевые действия), были и такие, кто принял сторону Центра.

Да, там прожорливая Москва, продажные и недальновидные партийные номенклатурщики, но именно Центр олицетворял легитимную власть, какой бы несправедливой она ни казалась.

Служить Магомедову стало в тягость. В голову начали приходить честолюбивые мысли. Мага и раньше был человеком гордым, но после нескольких удачно проведенных боевых операций самолюбие его возросло.

Он неоднократно говорил в кругу приятелей, что не хочет быть пушечным мясом и давно перерос должность командира взвода. Это не его планка. А еще Мага больше не хотел никому подчиняться.

Войны он не боялся. В конце концов, она – настоящее занятие для мужчины. Его предназначение.

Для чего еще матери рожают мальчиков?

Вот только одно дело – воевать за свои интересы и совсем другое – за интересы абсолютно незнакомых людей, к которым Магомедов не испытывал ровным счетом ничего.

Они находились так далеко от него в своей Москве, что порой казалось, что их и не существует вовсе. Так стоит ли проливать кровь за тех, кого нет?

В части он не был единственным дагестанцем. Земляков, многие из которых по его примеру остались на сверхсрочную или вовсе готовились к учебе в школе прапорщиков, набиралось на целый взвод, только раскиданы они были по разным ротам.

Лишь железная воля комбата не позволяла в батальоне установиться самому тяжелому из всех видов неуставных отношений – землячеству.

Как-то само собой кавказцы сплотились вокруг Магомедова, который стал для них и царь и бог.

Не желая портить отношения с комбатом, он держал своих абреков в руках, не позволяя полудиким Магам и Гогам распоясаться.

Авторитет его был непререкаем. Прикажи он прыгнуть в пропасть – и любой из них прыгнул бы, не раздумывая.

Выработанный веками инстинкт горца, живущего от набега к набегу, подсказывал, что вода замутилась настолько, что в ней можно безнаказанно ловить рыбу. Много рыбы.

Кавказцы поняли это первыми. Остальные еще дозревали.

Земляки давно подбивали его на этот рискованный шаг. Он долго колебался, потом, поняв, что другого удобного случая может и не подвернуться, согласился.

Комбат был в длительной командировке, особист ушел в глубокий запой. Никто не смог помешать трем десяткам дезертиров разоружить часового у склада с оружием и разжиться пусть старенькими, но вполне смертоносными АК-47, несколькими гранатометами, ручными пулеметами РПК и даже тремя СВД. Про пээмы и говорить нечего, хотя Мага все же предпочел бы пистолеты Стечкина или, на худой конец, ТТ.

Боеприпасов хватило, чтобы доверху загрузить армейский ГАЗ-53.

Дежурного по батальону Магомедов застрелил лично, не вспомнив о том, как не раз они ходили друг к другу в гости, пили водку и делили сворованную с продсклада тушенку.

Других офицеров той ночью в части не случилось. Солдаты-срочники сопротивления не оказали, кое-кто даже изъявил желание примкнуть к стихийно образовавшейся банде. В основном те, кто до службы успел схлопотать срок.

Поначалу Мага подумывал об этнически чистой группировке, но, после некоторых размышлений, сообразил, что в таком случае у него будет недостаточно сил, чтобы контролировать даже маленький район на ничейной земле. Конкуренты в два счета выбьют его оттуда.

Тогда Магомедов сделал отряд земляков своей личной гвардией, а остальных прикнущих (тут были не только славяне, но и киргизы, таджики, узбеки и человек пятнадцать грузин) начал использовать как пушечное мясо, доверяя им самые черные и потому редко бывавшие выгодными дела.

Командир из бывшего прапора получился хороший. Маге удалось закрепиться в полусотне километров от большого города, который стал жизненно важной артерией для новообразованного отряда боевиков.

Во-первых, город поставлял человеческие ресурсы, во-вторых, служил рынком сбыта продовольствия. Одно время Мага подумывал о торговле наркотиками, но нашлись те, кто не желал делиться и был достаточно крут, чтобы не допускать к лакомому куску посторонних.

Магомедову дали ясно понять, что это не его уровень. Дагестанец смирился. Вернее, сделал вид. Если стать полноправным хозяином этих земель, с ним обязательно начнут считаться.

Немного погодя ему крупно повезло. Мага попал в сферу интересов очень важных людей. Те сами вышли на главаря боевиков и предложили договор. Выгодный, но странный, очень странный.

Дагестанца это не отпугнуло. Ради власти он был готов зайти далеко.

Сотрудничество принесло большую пользу. Пусть он и не играл тут первую скрипку, но все равно теперь Мага уже мог с полным основанием требовать от других, чтобы те называли его Хаким-беом.

Обо всем этом Магомед Магомедов думал, попивая из пиалы зеленый чай.

Он сидел на узорчатом ковре, устилавшем пол в большой комнате его личных апартаментов. Когда-то в них располагалось нечто вроде конторы при ферме. Потом этот домик, как и все остальное, пришел в запустение и местами обветшал.

Вторую жизнь строение получило уже при Магомеде, когда он выбрал его в качестве жилья для себя и появившихся несколько позже трех наложниц из числа рабынь.

Домик по приказу Хаким-бея отремонтировали в его вкусе, заполнили коврами, подушками и прочими приятными глазу и телу вещами, которые удалось добыть в городе. Как и положено, жилье поделили на мужскую и женскую половины.

Наложницы тоже были во вкусе Магомедов, но время от времени менялись, если в новой партии невольников оказывались смазливенькие мордашки. Тогда прежние доставались людям Маги. Их будущее главаря не интересовало, хотя он прекрасно понимал, что с ними сделают голодные до женщин боевики.

Напротив Хаким-бея, в такой же позе, сидел его главный помощник Вали Меджидов. Он был сух и жилист, черные блестящие волосы коротко острижены. Безусое и безбородое, как и у Магомедова, лицо носило отпечаток аскетичности. Она явилась результатом длительной отсидки в колонии строгого режима. Вали одно время даже ходил под расстрельной статьей, но потом удалось кое-кого подмазать или запугать, и приговор смягчили.

Война принесла ему свободу – в стихийно возникшей неразберихе многие уголовники вырвались на волю. Меджидов сколотил из подвернувшегося под руку сброда небольшую банду, с которой немало покуролесил в городе и его окрестностях, однако потом счел за лучшее присоединиться к отряду Хаким-бея, а тот быстро оценил его хватку и умения. Вдобавок Меджидов пользовался авторитетом в уголовном мире и обладал обширными связями, которые были весьма полезны Маге, особенно на первых порах.

Жесткий взгляд карих глаз был, пожалуй, визитной карточкой Вали. Эти глаза, посаженные глубоко и близко к тонкому, с горбинкой носу, подавляли, заставляя собеседника чувствовать себя крайне неудобно. Впрочем, на Хаким-бея этот взгляд не производил ровным счетом никакого воздействия. Маге довелось видеть людей и пострашнее, особенно среди тех, кто прошел войну от звонка до звонка.

В отличие от Магомеда, чувствовавшего себя вполне комфортно, Меджидову на полу было не очень удобно, но он стоически терпел, время от времени вытягивая то одну, то другую ногу, чтобы восстановить циркуляцию крови.

Собеседников разделял низкий столик со стоящими на нем пузатым чайничком и вазочкой с конфетами, к которым мужчины не притронулись, понимая толк в самом напитке.

Когда чайная церемония была соблюдена, Вали размеренно произнес:

– Твоя новая наложница не знает, как следует подавать чай?

– Откуда ей знать, Вали? – добродушно усмехнулся Магомед. – Она не восточная женщина, она – русская. А разве ты не знаешь, как большинство русских пьют чай? Конфеты и печенье – это пустяк по сравнению с хлебом, намазанным маслом, и куском колбасы сверху. Чай этим кяфирам нужен, чтобы легче жевалось. Я уж не говорю про пирожки с начинкой и прочую сдобу. Поистине эти русские ничего не понимают в чае.

– Прогони ее, – сказал Вали равнодушно.

Проницательный Магомед лукаво прищурил правый глаз:

– Я вижу, куда ты клонишь, Вали. Эта девчонка пока побудет со мной. Слишком хороша она в постели, как и две другие. Они стараются. Понимают, что с ними будет, если наскучат мне. Но эта – пока лучшая из всех, что были. Найду еще лучше, тогда эту отдам тебе, так и быть. Научишь ее заваривать и подавать чай.

– От тебя ничего нельзя скрыть, Магомед. – Меджидов улыбнулся уголками тонких синюшных губ. – У нас на зоне ты был бы в большом авторитете.

– Я уж лучше здесь в авторитете побуду, – тоже с улыбкой ответил Магомедов. – А за девчонку камень на сердце не держи.

– Конечно, Магомед, – легко согласился Вали. – Я себе всегда найду хорошенькую девку. Наши братья нередко таких из города привозят.

– Братья... – хмыкнул Хаким-бей и добавил после некоторого молчания: – Они мне такие же братья, как и тебе. Толпа моральных уродов и извращенцев. Один золотые коронки ножом ковыряет, второй норовит за щеку какому-нибудь мужику сунуть, будто баб мало. Да они ему, наверное, и не нужны: всю жизнь в горах коз трахал.

Произнеся это, Магомедов скривился. Многие земляки доставляли ему головную боль.

Вали понимающе покачал головой.

– Есть садисты, насильники, все до одного мародеры... – продолжил Хаким-бей. – Кадры как на подбор. А что ты хочешь, они ж действительно полудикие, большая часть жизни любого из них высоко в горах прошла. Это мы с тобой на равнине жизнь прожили, я

в армии служил, ты... ты до отсидки председателем колхоза был. Так что нам такие братья – как собаке пятая нога нужны. Но других взять негде, хотя я многое отдал бы, чтобы вместо них оказался мой последний взвод – парни как на подбор все были, хоть и разных национальностей. Я тебе даже больше скажу, Вали: те русские, что прибились к нам, мне больше симпатичны, чем мои земляки, хоть и не подарок все эти кяфиры – тоже за каждым по обозу трупов. Но они – солдаты, я армейскую косточку чувствую сразу. Поэтому и разрешил им остаться: они воевать толково могут, чего не скажешь о наших братьях. – Последнее слово Магомедов произнес с соответствующей интонацией.

– Ты, как всегда, прав, Магомед, – все так же размеренно ответил Меджидов. – В коровнике, в том, который частично переделали под казарму, в уголке русских гораздо чище, чем у наших земляков. Мне даже стыдно за них. Вот уж действительно полудикие. А ведь по таким, как они, люди получают представление о нашем народе и считают потом, что мы все такие. Стыдно, Аллахом клянусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.